

П. Н. Савицкий

Историко-географические заметки по поводу новой литературы (заметки евразийца)¹

Нигде не напечатанная статья 1925-1926 годов. Заключает в себе ряд исторических идей общего значения

В области русской литературы за последние годы факты идут густо... Произошло²... плохая или хорошая, новая литература есть... Немного наберется отраслей русской культуры, в которых послереволюционная эпоха с такой определенностью, как в отрасли литературы, отмечена новыми веяниями... именно новыми, а не отблесками прежних, творениями новых творцов, а не только новыми звеньями в жизненном деле делателей, выступивших и выдвинувшихся еще до начала черного десятилетия: 1914-1924... В области «изящной» литературы перед нами не только новые произведения, но также новые авторы. А много найдется отраслей русской науки, искусства и философии, в которых можно встретить, пожалуй, новые работы переживших лихолетье «прежних» авторов, но где новых делателей нет почти или нет вовсе...

Вслед за плеядами поэтов, привлекавших к себе преимущественное внимание в предпоследние годы и десятилетия, — в последние годы пришла плеяда прозаиков.

Говорить о новых делателях русской литературы обо всех сразу было бы непосильно, да, пожалуй, и нецелесообразно. «Выборочность» рассмотрения нужно подчеркнуть с самого начала и с полной силой.³ То что есть результат рассмотрения, главным образом⁴ с исторической и географической точек зрения ряда произведений, преимущественно 1922—1925.

Эстетическая отсылка и «формально»-литературный подход как самостоятельные элементы исключены из этой⁵ работы, и только изредка и мимоходом отмечены стилистические и языковые особенности рассматриваемых вещей^А. Скажем больше, мы⁶ считаем принципиально не поддающимся предвидению как⁷ в исторической перспективе, сложится эстетическая оценка, «исторический вес» отдельных вещей новой литературы. И вполне отдаем себе отчет в том, что нередко наряду с вещами значительными цитируем вещи, которые будут забыты: делаем это в уверенности, что из суммы признаков, характеризующих ныне од-

^А Нужно заметить, что новейшее явление в области истории литературы, т. наз. «формальный метод», предполагает между прочим возникновение отдельных от него исторических и иных толкований по поводу творений литературы: «Формалисты — историки литературы говорят, между тем, <идеологии отдельных писателей в принципе не отличаются от идеологий мыслителей и философов, не претендующих на литературность, и потому должны изучаться не историками литературы, а историками мысли и философии>, что бытовые черты, отражающиеся в литературных произведениях, отражаются и в нелитературных памятниках, а потому составляют предмет не истории литературы, а истории быта и местодействия. На предлежащих страницах некоторые критические замечания по поводу новой литературы, замечания по необходимости, отрывочные и неполные — дополнены рассмотрением литературы с точки зрения географической приуроченности ее описаний и <действий> местодействий.

новременно и вещи значительные, и незначительные — в общем ход исторического процесса всё же выживет нечто.

Нужно с самого начала отметить: все авторы, рассматриваемые ниже — в работах своих проявляют коммунистическую лояльность; нарушенную справедливость во многих случаях восстанавливают руками добродетельных неподкупных коммунистов. И если содержание их работ не исчерпывается изображением коммунистической добродетели, то причиной тому — не убеждения авторов, но действительность, которую они отображают. Не убеждения авторов, но стихии действительной русской жизни запечатлены в их работах... Это положение является методологической основой, на которой строятся последующие «историко-географические»⁸ замечания...

Что поражает при прочтении (обычно, по условиям зарубежного рынка, не всех появившихся, но только некоторых оказавшихся доступными работ заинтересовавших писателей) — это чрезвычайно обостренная у многих из авторов 1922-1925 г. чувство «связи времен».

Некоторые беллетристы выводка последних годов никак не менее историчны, чем любая другая группа беллетристов, которую можно было бы выделить на протяжении развития русской литературы вообще; историчный не в том смысле, что чтобы они (эти новые писатели) чувствовали особую склонность к «историческим» повестям, романам или поэмам. Дело не в этом, а в том, что целый ряд для нашего времени литературно-действенных произведений проникнут пафосом исторического выведения настоящего из прошлого, порывом к изображению минувшего и обусловленности им настоящего, к установлению именно «связи времен», вскрытию исторических корней современности...^A

Рассмотрение начнем работами Л. Леонова (род. в 1899 г.), наиболее крупного, на наш взгляд, из новых русских писателей, начнем, правда, работой, не принадлежащей, по нашему мнению, к числу лучших его вещей, хотя и более поздней — а именно романом Барсуки (Москва, 1924). Нам кажется, что более ранние вещи Леонова: «Туатамур» «Петушихинский пролом», «Записи некоторых эпизодов, сделанные в городе Гоголеве Андреем Петровичем Каякиным», «Конец мелкого человека» и др. удачнее «Барсуков»...

Каждая из названных работ выдержана в особой манере; «Конец мелкого человека» — вещь совершенно «развеществленная», кажущаяся бредовым видением в рамках города, погибающего от голода-холода; «Записи некоторых эпизодов...» — нечто «уездное» образчика творчества просвещенного приказчика заштатного городка; «Петушихинский пролом» выдержан, по преимуществу, в «орнаментальной» манере народного «сказа»; «Туатамур» насыщен «временным»⁹ колоритом эпохи монгольского расширения, переносит в лагерь Чингизова полководца; «Барсуки» — роман дореволюционного и революционного «быта» —: наиболее обширная из леоновских вещей; основную часть романа составляет хроника крестьянского противокмунистического восстания в некоей губернии — недалеко от Пензенской. Такое географическое приурочение <нрзб.> действию романа. Автобиографические указания, сделанные писателем, должны были бы направить мысль в сторону Калужской губернии; писатель — «по сословию крестья-

^A<Нрзб.>

нин Калуж. губ.; угол наш — глухой угол. Дед — лавочник в Зарядье». Лавочники Московского Зарядья выступают в первой (вводной) части романа. К тому же связанный с «Барсуками» в некоторых чертах своих «Петушихинский пролом» освящен именем Пафнутия: Боровск — город св. Пафнутия боровского — Калужской губ. Но Пафнутий «Петушихинского пролома» не есть св. Пафнутий боровский, ибо первый по указанию автора был до нашего времени за двести с лишком лет; святой же Пафнутий боровский — за четыреста с лишним, при том черты жизни не совпадают. И другие указания, находимые нами в «Барсуках» и в «Петушихинском проломе», указывают не на Калужскую губернию. Перед войной местный помещик (Свинулин) строил в «барсуцком» краю керамический завод с тайной высокой целью: «облагородить великорусское крестьянство, а задно уже и прилежащую мордву, посредством внедрения изяшной посуды в мужиковский¹⁰ обиход». Мордовские поселения¹¹ не идут¹² западнее Рязанской губ. В «Барсуках», как местное население, упоминаются татары: кричит татарчонок, в лице которого «промелькнула как бы тень табуна невзнузданных коней»: «моя село Саруй на та сторона!..» — В то же время интенсивные связи барсуцкого¹³ места с Москвой (именно с московским <sic> Зарядьем) не позволяют, в географическом приурочении уходить слишком далеко на восток; вся совокупность данных исторического, географического, этнографического и экономического «ландшафта» указывает на одну из губерний вокруг Пензенской. Среди «барсуков», как пришлец, упоминается «пензяк Тёшка»: Петька Ад «...такого плясача показывал, что у толстопятого пензяка Тёшки, первого плясуна у себя в Пензенской, зеленело от зависти глаза»... Но это указание, быть может, только «для отвода глаз»; действие «Записей...», сделанных в городе Гоголеве» положительно разворачивается в самой Пензенской; здесь также, в начале, упоминается, в качестве местного населения — татары и мордва, а дальше¹⁴ «и наверно слобожане»; автор «Записей», приказчик А.П. Ковякин, прослышал, что «баба Лукерья Анютина собственноручными вилами пропорола черту бок», «отпросился» у хозяина и «поехал во Вьяс, выяснить, что за чушь»: Вьяс — монастырь, село и жд. станция Пензенской губ. Саранского уезда, на границе Городищенского. Если принять всерьез указание, что Гоголев — город «заштатный», то, пожалуй, определится он каким-либо пензенским (...) («в 1644 г. ... населен служилыми людьми... в 1780 г. ... назначен уездным городом Пензенского наместничества... в 1798 г. упразднен, в 1897 г. — 3.800 жит.), верстах 4.0 от Вьяса.

В «Барсуках» немало внимания отдано обнаружению «связи времен». Однако же части романа, вскрывающие эту «связь», страдают в историческом отношении преувеличениями и шаржировкой.

Излагается история Зинкина луга: «Завязался узел спора накрепко, и ни острая чиновная башка, ни тупая урядницкая шашка не могли его одолеть. Шли от узла толстые, витые, перепутанные корешки. Шли в спокойную глубь давнего времени, в людей, в кровь их, в слово их, в обычай их, в каждую травину, из-за которой спор».

В этих словах — «теоретическая формулировка» начала «связи времен», примененная к земельному спору между двумя селами, о котором идет речь; начало «связи времен» намечено здесь как нечто общее — бытийственное, именно онтологическое, охватывающее и людей, и кров их, и слово, и обычай, и даже «каж-

дую травину». Как увидим, пафосом онтологической «связи времен» проникнуто в новой литературе¹⁵ не одно только Леоновское повествование по «истории Зинкина луга».

В старое время «обитал богатейший помещик в этом краю («барсуцком» где-то около Пензенск. П.Н.С.) Иван Андреич Свинулин. Был Иван Андреич этакий огурец с усами, сердитый и внушительный. Было в его лице по немногу ото всех зверей.

Владал он наследственно и безответственно обширными угодьями: лесами, прудами, лугами, деревнями и пустошами и всем тем, что водилось в них: и зайцами и волками, и комарами и мужиками, и водяными блохами. Жил Свинулин сытно, привольно и громко; зайцев и волков собаками травил, комарей просто руками, до водяных блох никакого оброчного дела ему не было, мужики же ему пахали землю.

С самой юности бороли барина Свинулина страсти. ... Под конец жизни приступила к Ивану Андреичу страсть редкостная и пагубная — гусиные бои».

И был лучший гусак Ивана Андреича Нерон побит китайским гусаком Эпафродита Иваныча Титкина. А имя тому гусаку было Сифунли. И тогда выменял, якобы, Иван Андреич этого самого Сифунли у Эпафродита Иваныча за сотню мужиков на вывод <> «Завтра же разделил Иван Андреич село Архангел пополам и половину, разоренную, ревущую, послал к барину Титкину заселять Голикову пустошь». Тут-то, по Леонову, и завязался узел.

С точки зрения «исторической критики», эпизод маловероятен. Каковы бы ни были в те времена «когда еще и второй Александр на Россию не садился», нравы в местах «недалеко от Пензенской», подобные проявления страсти к гусиным боям повлекли бы, пожалуй, в действительной жизни вмешательство родственников (и наследников весьма заинтересованных в противодействии) и предводителя дворянства и угораздил бы Иван Андреич под опеку. Но анекдот — издавна в моде в русской литературе. И выяснение связи времен Леонов в данном случае обосновывает анекдотом.

Титкинские земли, а следовательно, и Голикова пустошь примыкали с востока к владеньям Свинулина, именно — к огромному Свинулинскому лугу, назывался луг — Зинкин луг. ... После шестьдесят первого года <у Савицкого — цифрами> весь тот луг отошел к селу Архангел...

Проданные же Титкину получили и Титкинские земли: кувырки да бугры да овраги, перелесицы да жидкие, нежилые места. От Зинкина же луга не получили Титкинские ни вершка, хоть и лежал луг всего в полуторах верстах от их села, прямо под окнами. Выходила явная несправедливость, потуже затянулся

Свинулинский узелок».

Пошли посольства выселенных с мольбами, чтобы уступили им оставшиеся, хотя бы часть Зинкина луга.

«Нет, — говорят, — не дадим. Вы — титкинские. На титкинских землях. Не видать вам Зинкина луга. — обиделись посланцы: что ж вы нас покосов наших лишаете, все равно что воровское ваше дело. Мы вас ворами будем звать. Воры вы и есть — а там хоть бы что: — а вы — гусаки. Вас барин на гусака выменял...

Так разделился Архангел на Гусаков и Воров... На прозванья смирились, но не в луговой тяжбе. Возник

спор, и спор родил злобу, а из злобы и увечья и смертные случаи вытекали, потому что и до кос неоднократно доходило дело».

Так и шло, с прибавлением бесчисленных бумажных жалоб и отписок —: «Конечно, Зинкин луг... Зинаида Петровна была, баринова угодница... с кучером они здесь по-

роты, конечное дело, а потом утопи туто от безвременной любви».

Стукнуло второй революцией, полетели дедовы лады вверх тормашками. Новый человек, хмурый, подошел к столу, посмотрел в бумагу, и пало на сердце ему сказать так: «Отдать весь Зинкин луг Гусакам. У Воров и своего добра с излишком»... Даже и сами Гусаки смутились такому скорому окончанию вековой тяжбы... тогда-то, подобная нарыву на старой ране, и возросла обида у Воров. В довершение всего были присланы на Святой уполномоченные по разверстке: Серега Половинкин и Петя Грохотов. Оба — исконные Гусаки, друг на друга похожи, как братья, оба в кожаных тужурках, рослые, победительные. С ними полдюжины солдат наехало. Затихли Воры, покосились на винтовки, лукаво перемигнулись с окрестными деревнями»...

В ответ на разверстку и обирательство «уполномоченных», грянуло восстание Воров. Грохотов, а вместе с ним и продкомиссар были убиты, прикончили и местных «советских мужиков», а Серега Половинкин был пойман, отведен на болото, раздет донага, привязан и отдан в жертву комарам. И вот «там где-то, в гнили» духоте Кривоносова болота, суждено было Сереге голому, развязывать свинулинский узелок. Ах, кому же было знать, чем окончится в следующем веке гусиное увлечение Ивана Андреича».

Круг замкнут. Конец «увязан» с началом. В значительной мере анекдотично, но не всегда компетентно,^А но во всяком случае с настойчивой обращенностью к одному и тому же принципу выявлена «связь времен» в перипетиях гусаковско-воровских дел... Отдельные подробности, в замысле, должны сгущаться, видимо, в некоторую цельность. На фоне — самоубийство Зинаиды Петровны, поротой «баринской угодницы». Затем — «страсти» Ивана Андреича, не только гусиные бои, но также «бабы, голуби» и пр.; раздор, в котором возникают самые названия, Гусаки и Воры; кулаки, косы, членовредительство, упоминаются и кощунства; обирательство, убийства — и жертва, отданная комарам; и дальше — новые ужасы, которых не называем настоящим «паноптикум» их... В общем — выявление некой традиции зла», векового «гусаковско-воровского» преемства «ряда» развращенно-озверелых поколений, равно на высших и низших ступенях социальной лестницы.

В той округе «набегал молодячок на непашанные поля, на покосы, как бы дразня, что де нас не перерубить... впереди бежала березка, а за ней поспешала ель. В той округе и почвы в беспорядке лежали, всякой земли было разложено по всем местам, росли без обиды, в полуверсте друг от друга, и сухая песчанка с колким трескучим стеблем и обжирившая болотная безымянка с маслянистым, круглым листом.

Попадались и камнистые места...» а также черная и красная глины. Выросли на тех глинах: промысловое село Гончары и керамическое предприятие правнука Ивана Андреича: «человек был денежный, доброй души и американского ума, но русской выделки». Прогорело и сгорело его предприятие и стало «сорное Свинулинское место» опять новинкой: «И какой Микула оросит ее кровавым потом, чтоб дала, наконец, плод? И откуда придет он, с востока ли, алеющего зарей, с запада ли, отгороженного лесами и окрашенного закатом»...

^А Звучит наивно, когда порядок наделения крестьян землей по положениям 1861 года в силу которого «Зинкин луг» был получен селом Архангел, определяется словами: «было такое стремление — наделять мужиков из помещичьих земель»... В другом месте говорится, что после разделения села Архангел на Гусаков и Воров «перепись подошла, закрепились прозвания сел в больших царских книгах». Какая перепись: единственная ли после освобождения крестьян перепись населения 1897 года? Но при чём тогда «прозвания сел» и «большие царские книги»? — генеральное ли межевание? Выдача ли уставных грамот? Неясно... О каждом вопросе, которого касается писатель, он должен уметь сказать «технично»...

Так размышлением на евразийскую тему, даже с западом, «окрашенным закатом» — кончает Леонов исторические и географические экскурсы «Барсуков», экскурсы, где наряду с историей «Свинулинского узла», идет образ «наступления» леса, призрака — «в той округе» — нынешней геологической эпохи (ср. работы академика О.И. Коржинского и др.) и каталог почв, в дополнение к таким же, имевшимся уже в «почвенной» в русской литературе (ср. стихи Клюева о «горькой супеси, глухом черноземе») ... В ответ на леоновский вопрос, знают евразийцы, что он, Микула, который оросит землю, «чтобы дала наконец плод» придет ни с Востока, ни с Запада, а из недр той самой округи, «где почвы в беспорядке лежат», придет тогда, когда над традицией гусиных, гусаковских и воровских неистовств возобладает иная традиция, иное преемство, также живущее в той земле и над тою землею. Двухтрадиционна двухпреемственна «та округа», как и вся Россия.

И о другом том преемстве¹⁶ рассказывает Леонов («Петушихинский пролом»): «Ходил раз один этакий старичок-моховичок за мшарины, где выгон петушихинский потом, за голубикой, набирал сколько надо, больше некуда, — идет домой, тянет богородичну молитву, озирает сенокосные луга — все ли там в порядке. Тишина вокруг него вечерняя, как медовая сыта в глубоком голубом ковше, — не расплещи дара божьего... да зацепился за кочку лапотком: и сам тут хлоп, и голубику рассыпал... А тогда пролетал через воздух пчелиный рой... И не успел старичок последнюю слезу обмахнуть, взвились пчелы, ударились оземь проливным дождем, разлетелись. И собрали ему голубику всю и в туесок поклади, а промежду прочим подсунули медку в каждую ягоду, чтоб слаще старичку. И не знали, что старичок-то Пафнугий сам.

И воспрянуло сердце Пафнугьево к радости, и стало словно б преображение на душе. И захотелось ему радость этому месту луговому приустроить... — Пускай на сем месте люди будут жить. А обок деревне — пчельник где-нибудь возле ручья. Вот и ладно будет... Так и стала быть Петушиха тут — семь дворов, пять ворот, из подворотен дым идет... Так Пафнугий сам повелел Петушихе быть. Тому двести тридцать лет».

Здесь — основной узел иного вскрываемого преемства. Свинулинскому неистовству (в пределах «гусаковского-воровского») противостоит Пафнугиева святость. «Чудо пчел» знаменует начало Петушихи. И вглубь перемен идут свои сцеления и «ряды»...

«А когда отходил Пафнугий, повелел Единый темной ночи быть. И была ночь.

Трудно расставался дух его с телом, — и не нужно было, чтоб видел чужой какой-нибудь мимоходный глаз, как сгибалось на подстилке из прошлогоднего, палого листа в убогом шалаше Пафнугия худое тело, как, свистя, рвался горячим паром дух жизни из ноздрей, как предавалась земле серым налетом подернутая персть и великий конец становился началом... Стояла ночь. И склонялись под мокрым ветром голые березы и осины и случайная темная ель, укрывая Пафнугия от дождя. И умер. И расступились деревья, давая пройти. И прошел. И зашумели». Далее обретение нетленных останков Пафнугия, основание монастыря и сублиения <?>, широко идущая слава.¹⁷ И плелись они, бабенки с пустыми глазами, конокрад свихнувшийся, бобыль с бородой¹⁸, — ... с клоками сена в волосах, с колокольцами в сердце, ползли безногие на мозластых пятернях, и там, перед серебряным сундуком, слепые подымали головы, провидя страшные выси в куполах, мертвым взглядом угадывая Пафнугия, возлежащего в славе, перед собою...¹⁹

Таково иное преемство «барсуцко-петушихинской» Руси, не «гусаковское»,

не «воровское», Пафнутиево преемство.

«А не знал Пафнутий, что на месте слез его случится великий пролом не в одном человеческом сердце». — А случится потому, что пойдет гусаковско-воровское преемство «на пролом» против Пафнутиева и сделает «пролом» не в одном человеческом сердце — и будет боль и смерть... — В²⁰ историсофском смысле Леоновские «Барсуки», как смысловая вещь, односторонни:²¹

Для изображения его, видимо, использовались примеры²² житийной литературы;²³ использованы²⁴ для внешнего, как бы запечатления двух моментов Пафнутиева жития, «чуда пчел» и кончины. Существо же тех подвигов, в силу которых «великий конец становится началом», не затронуто вовсе или едва намечено... И потому перед нами²⁵ в большей мере изображение схемы преемства, чем самого преемства.

<...> — и от гусаковского и воровского и никакого больше преемства. «Петушихинский пролом» весь построен на сочетании, противопоставлении обоих преемств, на различении и сопряжении²⁶ Пафнутиева, с одной стороны, гусаковско-воровского, с другой стороны, преемства... Только что прошел Пафнутий и вот...

Петушихинские жители наперечет все... Еще есть человек Федор. Был он кузнец, глядел в жизнь, — ныне загуменная безногая колода, в смерть глядит: впредь не станешь, дядя, хворых старух из огня таскать! Подкармливает отца, по силе возможности, парень молодой воровским своим рукомеслом, — кто ж не знает, что Талаган вор? Сторожите семеро гнедого мерина, не смыкайте глаз, — сведет! Зато и песни поет он, как никто во всей округе, зато и пляшет — холодеют груди у молодец, запирает дух у стариков... А потому, что шапка на затылке, пояс за голенищем, голь в глазах... Петушиха знает вся, Петушиха ведаёт: Аннушка, вертоглазая бобылка, худое слово зря, — Талаганова прихехенька... Красную тогда хмельную рожу подкачнул к Аннушкин уху лавочник, руки за спину заложив, и шепотком: — Напрасно вы это карачитесь, жаль мне вас... зарежет тебя Талаган, бусы на тебе больно красные! Потянулась Аннушка лениво, — что для ней, мирского человека, конокрадовой ярости нож: — Уж уйдите вы, Петр Лукич. Уж больно рожка у вас, словно муравли проточили. Глядеть не могу... Проглотил Петруха, козырек послунил: — Покорниче балдарим, на поминках будем!..

И прославится Петушиха, место на земле, сперва хлюпкими дорогами, черт шею своротит, потом монастырем Пафнутьевым прославится, а пуще прославится полновесной шестивершковой кирпичиной.

Экое веселие покоишь ты в себе, рыжая ты земля, по оврагу, петушихинская!

Но куда теплится в Колушовском лесистом овраге дедушка Хараблев Савосьян, пчелинец по слову Пафнутия, не полетят, — так сердце верует, — над медоносными лугами черные мухи копоты заместо золотых, звенящих круглым крылом пчел...^А

Однако из Пафнутиева преемства может ли прославиться Петушиха «полно-

^А Находим уместным сделать одно стилистическое наблюдение, ввиду того, что оно имеет отношение к началу «связи времен». В «Петушихинском проломе» употреблены стилистические средства широкого диапазона; наряду с «захлебыванием» диалектическим материалом, во многих местах применены церковно-славянские речения, видно стремление прикоснуться к основному (и драгоценному) стержню непрерывной славяно-российской тысячелетней литературно-языковой традиции. Церковно-славянское «ведаёт» (производящее впечатление, между прочим, <нрзб.> по контрасту с «простонародным» именем «Петушихи») <етит> помещается в той же фразе, что и резко-диалектическая «прихехенька»; и сейчас не верит, но «верует»... В рассказе о кончине Пафнутия, в синтаксическом отношении, — отзвуки наиболее веских мест книги «Бытия»: «повелел Единый земной ночи быть. И была ночь».

весной шестивершковой кирпичной)... Без благословения Пафнутиева откроется земной дол. Вне Пафнутиева преемства не одно ли зверство в человеке в «округе той»...

Есть и еще в Петушихе люди... попроси под окошком водицы умирающий, скажет Аннушка та же: — Не знаем мы ничево. Пил один надьсь, да ковш стянул. Скажет Талаган: — Эж ты, человек, несообразительный! Я сплю, а ты мене понапрас тревожишь!.. Выглянет из окошка Палагея заспанным, свиным глазом Лукичова жена: — Подь на колодец, да и лакай. Ишь пристал, барабан солдатской! Вот и пойми тут волчье их родство: бегут волки стаей, все други, подкачнись на бегу,— сгрызут.

.....
 Конокрад Талаган становится товарищем Устином, одним из главных деятелей <в>скрытия²⁷ Пафнутиевых останков.

«Петушихинский пролом» пронизан не одной даже, несколькими религиозными трагедиями.

Был Мельхиседек допрежь того купцом, запоец и похабник был, торговал скобяным товаром, и звали его, по пьяному делу, Митрохой Лысым. Раз, в пьяном образе, прокатался он целую ночь по городу верхом на свинье, когда же, вдребезг пьяненький, успокоился в канаве, то явился ему будто на утрий час Пафнутий и велел: «Будь у меня игуменом». И стал, преобразись в Мельхиседека.

Сначала был горяч и ревностен! Жаждал чуда. Но чуда не было. Тогда²⁸ задолго до войны и до революции — задолго до напора на Пафнутия гусаковско-воровских «волн» неверием и очерствлением к падению подготовлено было буйное Мельхиседеково сердце.

А потом пришла война, а потом «говорили, что царь больше не царь, а заместо царя — епутаты».

«Хмурился Мельхиседек, чувствовал с тревогой, что нет в нем теперь, когда нужней всего, ни веры, ни надежды, ни любви ни к чему». И вот за неделю узнала округа Петушинская: большаки в ту пятницу приедут Пафнутия вскрывать».

Не выдкржало «вскрытия» Мельхиседеково неверие, повесился игумен в келии. С того же времени стала развертываться быстро трагедия Савосьяна, приятеля его Федора (что «хворых старух из огня таскал») и внука Савосьяна — Алеши...

А за парчой, обнаженные дневным светом и не одной сотней остановившихся в безумном ожидании глаз, голые лежали на лиловом блеклом шелку темные немногие кости Пафнутия и малый череп его... уточку колеблясь, но снова овладевая собой, выкинул Арсен Петров голубую улыбку, как мяч, в посеревшее лицо Савосьяна: — Ну, что, как,— видел, дедушка? Разводя руками, словно на жмурках, вытянул из себя размашистые, недопускающие и скрытные слова Савосьян: — Что ж, оно конешно! Наше дело махонько: живем в лесу, молимся колесу... Савосьян, места не находивший всю неделю, где сесть, где лечь, где плюнуть, в то утро молча встал на лавку и достал Пафнутьеву иконку из угла. Потом вынес ее за дверь, прислонил к косячку,— моргая слезливо, сказал тихо,— но двинулась из тихости его суровость взбунтовавшегося духа: — Ну, вот што! Теперь ступай, Пафнутий... Ты мужик, я мужик,— наши с тобой разговоры коротки... Ноне и в лесах ночевать тепло. Воротясь в избу, сел на лавку и вот принял ся дно у бадьи шупать. Спроси его тут: что, Савосьян, работаешь? — не ответил бы.

Оторвался Федор от сапога, глянул в красный угол, — А где ж он, Пафнуть-то, у нас? Вот что Савосьян ответил: — Уходить я ему велел.

На лету поймал приятеливы слова Федор: — Как же это ты теперь без Пафнутья? — А так вот и без Пафнутья, — выпрыгнуло из Савосьяна железное слово, как пуля. И вдруг, всхлипнув, бросился за дверь, где осталась икона. Там стояла у косячка, прислоненная тылицей, пустая доска, а Пафнутья на ней не было. Доска желтая, олифы много, древод по краям проточил. Внес бережно пустую доску и поставил на подоконник рядом с Егорьем глиняным и махоткой закишего молока. И про себя, для себя, не для Федора, выплакал строго, но строгость ребячья, — стар ты стал, Савосьян! — Как же ты ушел от меня, в такую-то лукавую минуту! Возмог как? Вбежал в ту минуту Алеша, ясный как день. — Дедушк, пчелы-то, глянь-кось, — пляшут и падают, пляшут и падают... и не жалят совсем! Но, видно, крепко захромала Савосьянова голова, не вышел и все посматривал украдкой на пустое от Пафнутья место. А нужно б было к пчелам выйти; нашел на пчел диковинный мор: взлетали и падали в траву, и в жалкой тряске шевелили лапками, твердеющими смертно. Савосьян тут же залег на печку, а Федор на карачках выкарабкался кое-как к ульям. Там взял он горстку мертвых пчел на руку — золотых с чернью и немеющих навсегда, — и ответил Алеше, начинавшему догадываться: — Кончено. Энто на них пчелиный чемерь налетел...

Началось <нрзб.> «чудом пчел» — и кончается им же. Как и в «Барсуках» конец «увязан» с началом...

Вместе с Пафнутием ушли пчелы от Савосьяна, пчелинца по слову Пафнутя: замкнулся огненный круг. И пришел голод.²⁹

Шел Савосьян полем... Уж как-то слишком сильно разрослись к той осени польнь, крапива и репей, голодные жесткие травы. Всюду они лезли из земли, сухой, как палка, пыльные, наглые, твердые, туда-сюда колючим будыльем... Услышал тихий голос старик: — Савосья-ан... Не с трех, а с одного раза поняв, — кличут! — не подымая к небу головы, чтобы не увидеть, спешил, спотыкаясь, пчелинец в свой овраг, где ни пчел ныне, ни яблоч, а колючее логово осеннего ветра лишь. Когда прибежал, — слег, и не вставал больше... Было ему написано умереть... Сказал Федор: — Это ты, Савосьян, ты к богу за пазуху полез. Вот и помираешь... Тут ветер ночей совиных с маху ударил в окно, и за дверь, которая распахнулась рывком, скользнул молнией, бледный, весь трепещущий Алеша. Швырнув на пол суму пустую, пустую третий день, схватился, будто в нем судорога, за дверную ручку, не выпуская ее ни на минуту, словно боясь, что войдет кто-то и подавит все кругом темным, неморгающим оком, — а сам взвизгивал нечеловечьим, заглушённым визгом. Первый спросил его Савосьян: — Ты штой-то, Алексей?.. Забормотал невнятно в ответ, — трудно было понять его: —...столб, черный столб идет. За мной всю дорогу шел... От Семеновска бегом драл. Два их было... один над Петушихой рассыпался!.. Переглянулись старики, у них стало холодать в спинах. И слышали, покуда замолк Алеша: над проклятыми, обеспопленными полями звенело темное солнце, как навозная желтая муха в цепкой паутине беды».

Прежде видел Алеша³⁰ сны: «в свинцовом сундук обширном, на холодном дне, связанная лежит в невольной радости». — И вот последний раз:

«Ночью очнулся Алеша и услышал гудочек. Открыл глаза Алеша и взглянул в вышину над собой. Увидел: в беззвездной страшной вышине — Егорий на коне. Обступили толпы его большие, много среди них и петушихинских, — и все со страхом взирали на Егорьево черное лицо, искаженное мукой. Крикнул тут Егорий: — Веди их, Алексей Хараблев, к свинцовому сундуку. Пускай сами узнают. Прямоком веди. Дорогу помнишь? Ответил Алеша громово: — Знаю. И пошел впереди. И будто горы вместе с ними шли.

Ты ли, ты ли, Алеша милый, волчьего стада безвестный поводырь?..»

Верит Леонов, что пройдут неладные дни, наденем бархатные штаны, сядем за электрическими самоварами... Вспомняем, как отбывали мы волю нашу кумачевыми быть. Возможна иная вера: вместе с Пафнутиевым благословением, прилетят Пафнутиевы пчелы...

О том же русском («двупреемстве») свидетельствуют повести А. Яковлева (род. в 1886 г., «стал писать» в последние годы). Яковлев — писатель не ровный, из числа писаний его известных автору настоящих строк, последний не взялся бы выделить группу удавшихся, как то можно сделать в отношении раннего Леонова. Но кое-где скорее в частях повестей, чем в повестях цельных, сказывается писательское умение и одаренье.³¹

Повесть «Повольники» (³² 1923) посвящена исхождению действительности революционных годов из древней разбойной традиции. «Местодействие» не названо, но «исторический ландшафт» — речка Малыковка, кабак «Разувай» (материнское лоно славного рода Боковых) и все последующие события определяющая от Ваньки Волкова, держателя кабака, умевшего хорошо крикнуть: «Сарынь на кичку» («глаза черные, лицо невыразительное, смуглое, точь в точь, как у святого Николая, как его рисуют на древних Новгородских иконах»^А) через Михайлу Волкова, который «даром, что богач был, в кисете золота пуд... потянул за Пугача» и был повешен явившимися на усмирение Гавриилом Романовичем Державиным — хоть она прямая линия, ведущая от них к Гараське Бокову, председателю «Волгского» совета...

Три креста Егорьевских имел, а потом большевиком стал. Командер теперь у них... На фронте еще, далеко от города родного, встал Гараська в цепь революционной метелицы... Этот революционный пляс стал сильнее его воли, потому что будил в нем подземное, прадедовское, повольное, и звал, и не давал покоя» (кровная связь времен). К ужасу матери своей, несчастной и богомольной Митревны — домой привез сундук награбленного золота, серебра, тонкого белья да платья: «недельку всего прожил Гараська дома... все раздарил, да прожил... и потом — передом у них идет, нигде не дрейфит... Когда бородастые кулугуры мещане — белоярские пупыри — забунтовали (каждый год на Руси бунтовал), их усмирять пришел Гараська с товарищами... Боков ураганом носился по уезду, — там, здесь, везде... Горели восставшие села и деревни... Прадедова кровь, старая повольная бурлила...» «Закружилась» с ним Ниночка Белоклюцкая, отпрыск старая дворянского рода. И вместе наделали «делов». На свадьбу затребовали «пять телег с гигантскими клетками, теми самыми, с которыми агенты упродкома ездили по уезду и собирали налог птицами. А из клеток шум: гуси кричат, утки крикают... Явства готовили им ... учителя и учительницы, мобилизованные по экстренному приказу ревкома на трудовую повинность: шипать кур и гусей. Пришли хмурые, злые, напуганные, притихшие, а вокруг них — цепь часовых. Когда Ниночка проснулась и глянула в окно, узнала подруг по гимназии, тех самых, что отворачивались от нее при

^А Видение в русских лицах образов древнерусских икон излюблено в современности; иногда такой облик контрастирует с внутренней сущностью <обладающего им> человека (как в данном случае у Яковлева; также у Л. Сейфуллиной в «Перегное» бунтовщик Редькин — «похожий на сурового угодника с иконы старого письма») иногда — облика и сущность соответствующих друг другу. В «голом годе» Б. Пильняка иконописец князь Глеб Ордынин сам, но облику «...иконописный». В «Руси» П. Романова старик-крестьянин Тихон, «ложась на святого, что рисуют на иконах» <В «Перегное» Л. Сейфуллиной>. Конвенция образов не случайна: <Так> в <многообразных> разнообразных сближениях и разных формах, ощущается в современности иконописно-образная традиция... <Так ощущается в современности традиция иконописанной образности>

встречах — мы, дескать, честные, а ты... Учительницы, засучив рукава с брезгливыми лицами драли перья с тощих птиц... А кто-то считал грехи Бокова. День за днем так вот и вел бухгалтерские записи: реквизирует в свою пользу. Убил. Пьянствовал. Дрался... Стон стоял в городе и уезде — стон от поборов, расстрелов, арестов...» Во время катанья по Волге, вдохновясь песней о Стеньке и персидской царевне — самую Ниночку захотел Боков выбросить за борт, окружающие с трудом спасли...

И наряду с тем, у того же Яковлева (повесть «Терновый венец») — иные образы. Обоз заволжского села Вязовки, толпы людей, спасающихся от голода, скорее, скорее к Волге. Мертвых иногда успевают присыпать землей, иногда и не успевают. Отсталых бросают. Мучительное ожидание переправы на берегу Волги. Кузьмич, молодой горожанин, два года тому назад ушедший от Московского голода в деревню, умирающий³³ посреди лагеря.

«Слава Отца, во имя Отца, слава Отца, во имя Отца» — это Лука шепчет. У, черт его... — пошептал, покрестился. На восток. Обязательно на восток. Его Бог на востоке. И пошел куда-то... — Вот он, это лучший из мужиков, он иной молитвы не знает, как бессмысленная: «слава Отца» — Кузьмич сжал кулаки. — Подожди, а может быть иной молитвы и не надо. Все — слава Отца Небесного. Все во имя Его. И страдания. Да, и страдания. Да минует меня чаша сия. Нет, не минует. Вкуси, чтобы воссиять во славе вечной светлой... Ибо только страдание — путь к прекрасной жизни. — А лошади то с выхлестнутыми глазами. А ругатня-то, а драка-то, а ребенок-то, брошенный в воду, а черствовать-то... Это гнусь, отребье. И русский народ — это толпа бродяг без родины и Бога. Он гибнет, тонет, и пусть. И слава Творцу... Подожди, подожди... нет, нет... А слезы-то. А мальчик-то с беленькими волосиками, схороненный пол холмом... Степь так широка, и никто никогда не пайдет этой могилы. А помнишь, мертвый то в степи. Всяк пройдет — положим деньгу — от сердца. И нищему дай. Это ли не завет русский?.. Нет, стой. Как все понять. Как понять тебя, великий и бессмысленный, святой и подлый народ... Благословлять или проклинать тебя на всех путях твоих... О как мучительно.

К возу подошли. Двое. Лука и еще кто-то... — Пропадает земля русская. Мрет народушко хрестьянский. Бессчастным стал, как камень, в степу брошенный. — Это Лука. Это у него такие слезливые слова. — Это нет, браток, ты так не говори. Нешто ты не слышал?... — Чего? — А про заступников-то наших. Про Миколу-то Можайского, да про Сергия-то Радонежского, да про Савву Преподобного Сторожевского... — А что они? — Пошли они. Пешком ведь пошли по земле по русской. Разве ты не слышал еще. Как же, пошли уже. — Зачем пошли? — А вот, решил было Господь... сгублю народ русский, размечу его, как во древности разметал народ израильский, пусть плачет и умирает он за грехи свои на всех дорогах и на всех перекрестках Потому грех велик у него: брат идет на брата, сын на отца, склока да свара везде... Невмоготу стало Господу... И вот стал он собирать небесные воинства с мечами огненными «Пошли, дескать, их на русскую, пусть истребляют всех»... — А Сергей-то с Миколой и проведи. «Как? Что такое?» Испугались даже. Ну, сейчас же вскричали Савву Преподобного — он тоже заступник за землю русскую неплохой. «Идем спасать. Авось умолим Господа!. Побежали к Престолу Господню, пали на колени. «Пошади, Господи!» Не могу, говорит Господь, сил моих больше нет терпеть. Истреблю». «Пошади, Господи. Заблудились они, застряли в грехах, но они опомнутся. Грехов много. Господи, но и спасение есть». «Где спасение? Какое? Не вижу теперь Я». «Есть, Господи, есть Ты Содому с Гоморрой обещал ради трех праведников пощадить, а в русской земле их не трое, и не семеро, а тыщи. Только поискать их надо». «Не вижу, говорит Господь. Трех праведников не вижу. Все сердца полны злобой, нет им милости от Меня». Заплакал Сергей, заплакали Микола и Савва». Пощади, не губи, мы укажем Тебе правед-

ников»... «Ну, будь по-вашему. Идите, ищите. Если найдете, пощажу землю русскую». «Вот, Господи, Ты послал на них голод. Если мы соберем три сумы милостыни, поверишь ли Ты, что еще есть праведники на русской земле... Поверишь, говорят, поверю. Если одну суму соберете и так поверю. Перерядились Микола, Сергей и Савва нищими, надели сумочки холщевые и пошли в голодный край за милостыней. Но как же теперь те? — А теперь все ходят и собирают. Теперь уж наше дело спасти. Будем подавать, будем помогать — спасемся. Не будем — пропала русская земля».

Он замолчал. Повозился, повздыхал. И опять заговорил: — Теперь к каждому, кто просит, с опаской надо подходить: ни один ли это из трех святителей у тебя милостыню то просит. Может ты откажешь, а это Сергей, али Микола, али Савва Праведный... Подавать надо. — Подай, а сам страдай. — Что ж, и пострадай. Э, браток, была бы душа шда, а там пусть все прахом идет. Был я богатый мужик, семь Одоньев еще четыре года на гумне стояло, два жеребца по четыреста целковых у меня были, изба, огород. Иван Миронов богатый был. А теперь — весь я тут. Сума осталась, да и та пуста. Жить то горько, да еще бы пожить столько. Будь благословенны стези Твои, Господи».

И снова слова того же Ивана Миронова:

«Много могил, словно кротовин, только побольше. В иных палки торчат с перекладинками, вроде креста, а больше так... — Ты хоронил? — Трудился для Господа. илов уже нет. А мертвых много. Думали ли, гадали, где лежать им доведется. Никто не знает, браток, где кому смерть в глаза глянет. Ни бедный, ни богатый, ни злой, ни добрый. Так-то. Одно нехорошо: в степу брошены, зарыты без креста, и никто из родных никогда не узнает, где они схоронены. В святой же день ко всем на могилку сродственники придут. А к ним уже нет. Не придут. Да, браток, не придут. На всех дорогах, на всех путях посеяны косточки хрестьянския. Возведи их, Господи, посевом добрым в раю Твоем. Мук вечных их избави, за те муки, что здесь они принимали. Не вмени, Господи, во грех бескрестность их могил. Ты видишь ведь, какой мукой мучается народушка наш. Тебе все ведомо...»

А для других... «пришел день. Да, это была уже толпа, для которой не оставалось ни Бога, ни ада, ни пулеметов, ни тюрьмы, ни расстрелов Люди, которым нечего терять...»

В приведенном отрывке — две части: к концу вырисовывается образ Ивана Миронова, один из наиболее просветленных образов новой литературы³⁴ в начале — бред Кузьмича. — Кузьмич умирает. Мотив лютой смерти, переплетающийся с религиозной трагедией, стал одним из главных мотивов новой литературы: конец Кузьмича у А. Яковлева, конец Алеши (а также Федора и Савосьяна) у Л. Леонова. Кузьмич, умирая, бредит о судьбах России. Также мотив этого бреда, данный у Яковлева, имеется у Леонова («Конец мелкого человека»)... у простых людей над мыслью о России главенствует основной религиозный мотив... Конец становится началом, преображается в воскресение в духе, кажется притчею на текст³⁵ «Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно падши в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода» (Ио. XII.24). Образу лютой смерти — об<нрзб.> пережитого <?>. В смысле точных географических приурочений <нрзб.> и Кузьмича суть смерти в Поволжье. Но в переходе своем к воскресению в духе, в вознесении к Его<нрзб.> «Вышине» <нрзб.> суть также историософские положения.

Интересно до мелочей идущее совпадение обоих авторов в изображении именно «двупреемства»; «Барсуки» соответствуют в этом отношении «Повольникам», а «Терновый венец» — «Петушихинскому пролому»: «Барсуки» также посвящены изображению одного из преемств, как посвящены вскрытию этого же преемства «Повольники». И «Терновый венец» так же осложнен вступлением иного преем-

ства (и литературно построен на различении и протовоположении обоих преемств) — как осложнен и построен «Петушихинский пролом»... Напрашивается, между прочим, сопоставление тех (отчасти приведенных выше) отрывков из «Петушихинского пролома», где намечается сочетание и обнаруживается контраст обоих преемств — с образами бреда Кузьмича, где последовательно, на фоне душевной борьбы и смятенья, вырисовываются моменты обоих преемств («... а ребенок-то, брошенный в воду... И нищему дай. Это ли не завет русский?..») и т.д. и т.д.).

Эту литературу нельзя назвать «реалистической». Значительная часть прежней русской литературы (XIX–XX в.) — реалистична; предмет ее — изображение и сочетание людей, «как они есть» в истории, или обстоятельств, в быту; первый же предмет этой литературы — сочетание не людей, но «начал», в них живущих — аналогичное сочетание «добродетельных» и «порочных» персонажей, скажем, в литературе XVIII века... Сочетание «начал» дано здесь в понятиях, образах и словах «века сего» и главенствуют не <нрзб.> «добродетели» и «пороки», но «сущности», раскрывающиеся в «рядах», традициях, преемствах.

Понятие «ряда» — основное для этой литературы. Иногда это ряд поколений, сопряженных наследственностью (династия Боковых); но не это — важнейшее. Понятие «ряда» определяется единством духовной сущности, выраженной в отдельных «членах» ряда. И самая наследственность важна, как носительница духовной сущности. Перед нами «ряды» разбойников, деспотов и исходящих от них, «ряды» угодников Божиих и обращенных к вере <?>. Не всегда ряды «физиологические» совпадают с рядами «сущностными»: у жертвенного Федора — сын конокрад, «вскрыватель» Пафнутиевых останков; иногда одно лицо — «о двух сущностях»: то Мельхиседек, то Митроха Лысый. Литература эта в чертах и образах более обобщенных и сгущенных, чем практикуется в «реализме». Литература эта, скорее «историсофична», чем «реалистична» (интересная задача для исторических наблюдений — определить и выделить «историсофские» в указанном смысле мотивы более ранней русской литературы: Гоголь, Достоевский, Лесков и некоторые другие дадут богатую жатву).

«ряды, которые развертываются, поистине вековые (сколь бы разного «качества» преемства ни были представлены ими): был Пафнутий до нашего времени («за двести тридцать лет»), династия Боковых проходит чрез неменьшие сроки, тянутся сквозь столетия бичевки от «свинулинского узелка»...^А Мотив «векового преем-

^АПример литературного обнаружения <вековой традиции> векового преемства в пределах литературы дореволюционной — Лесковская Хроника села Плодомасова, приводящая к «Соборьянам».

Элементы этого же мотива заключаются, например, в «Семейной хронике» и в «Детских годах Багрова внука» С. Т. Аксакова, если их брать как целое. От времени, когда дедушка Степан Михайлович был «употреблен для поимки волжских разбойников» (один из наиболее ранних моментов, упоминаемых в «Хронике» — около середины XVIII века) и до выхода Багрова-внука из Казанского университета (1807 г.) прошло более полстолетия... И у Лескова, и у Аксакова есть много элементов, аналогичных леоновскому и яковлевскому выяснению «двухпреемства»; но у старых писателей менее подчеркнут исторический подход, менее выдвинуто начало «связи времен»; и «бытописание» <нрзб.> сгущается в «историсофию»... Пародию на мотив «векового ряда» находим в гоголевской «Шинели»: «Фамилия чиновника была Башмачкин. Уже по самому имени видно, что она когда-то произошла от башмака, но когда, в какое время и каким образом произошла она от башмака, — ничего этого неизвестно. И отец, и дед, и даже шурин, и все совершенно Башмачкины ходили в сапогах, переменяя только раза три в год подметки». — Список примеров можно было бы, конечно, продолжить <еще> и <еще> далее...

ства» стал одним из распространенных мотивов новой литературы; в «романе» Б. Пильняка (род. в 1894 г.) «Гольый год» (с авторской пометой конца 1920 г., — одна из³⁶ ранних вещей рассматриваемой³⁷ литературы (современность настойчиво выводится из прошлого, раскрываются «вековые преемства»: «ряд» купцов Ратчиных: «прадед, дед, отец, сын, внук, правнук»; ряд князей Ордыниных, раздвоившийся на «Ордыниных и Волковичей»: «и неизвестно, кто по кому: князя ли Ордынины прозвались по городу, или город Ордынин прозвался по князьям»; Архип Архипов: «происходили Архиповы от волковичевских дворовых»... В новейшем романе Пильняка «Машины и волки» (1925) «по рецепту всех его романов, советская Россия отождествлена с Россией первых князей. Крестьянство взято в его тысячелетней древности»... Историософские темы выдвинуты во многих вещах Пильняка...

У В. Иванова (род. в 1895 или 1896 г.) дана <нрзб.> мужицкого восстания на Дальнем Востоке (повесть «Бронепоезд 14-69») «Никита Вершинин был рыбак больших поколений». В восстание «от волости уцелели телеги, увозящие в сопки ребятишек и баб. Жизнь нужно было тесать, как избы, неизвестно еще когда, — заново, как тесали прадеды, приехавшие сюда из пермских земель, на дикую землю».

Так сквозь самое разрушение просвечивает преемство и прообраз: сочетание, характерное для русской современности, «бытийной» и литературной...

Отметим попытку изобразить, как вырастала из прошлого действительность предреволюционная, попытку, данную в книжках I-й и II-й «Руси» Пантелеймона Романова (род. в 1884 г.; «Русь», 1923-24;); здесь изображены: с одной стороны, — мир крестьянский: «и сколько ни помнили, из года в год жизнь шла по своей извечной колее без всяких перемен»; с другой стороны, — проникнутая «переменной» история дворянских усадеб (главка III-я книги I-й) и общественно-политических течений среди социальных верхов (главка XV-я книги II-й): «главных течений было два. Одно стояло за то, чтобы во всей целостности сохранить старинные православные заветы, прежнюю силу и доблестную славу родной земли с подчинением единой воле помазанника. Другое стояло за полное искоренение этих православных заветов, доблестной славы предков и самого православного помазанника, как наследия деспотизма и невежества» — Началом «историзма» продиктованы, видимо, и следующие слова, поставленные П. Романовым в качестве эпиграфа «Руси»: «Писать картину великой революции, начиная с самой революции, значит говорить о следствии, минуя причину».

Возвращаемся к общей характеристике историософической литературы.

Когда, как то бывает в действительности, человеческая личность растворяется³⁸ в ней в «сущностях»: и перед нами — только «сущность», несомая личность; и нет больше личности как таковой...

А «сущности», с которыми, главным образом, имеет дело эта литература — суть «революция», со всем, что ее подготавливает и сопровождает, — и Православие. Будь автор коммунистом или «белогвардейцем», будь он крестьянским, рабочим или «боярским» сыном — в прикасаниях своих к русской стихии неизбежно и неизменно ставит он вопрос о том же...

Историософическое качество этой литературы отнюдь не умаляет ее значения как документа о русской жизни последних годов (по преимуществу 1918-22 г.). Сама эта жизнь сгустилась до «историософии» — и³⁹ дала подобные отражения; сама жизнь в предельном своем напряжении — раскрылась как очевидная, на глазах у всех протекающая борьба двух начал (вечных, неизбежных, «зна-

чальных»); и как таковая⁴⁰ — запечатлелась в литературе...⁴¹

Новая русская литература уделяет внимание монастырю (традиция «Братьев Карамазовых» и Лескова). Трагедии монастыря касается (перед тем, как перейти к начертанию советской идиллии)⁴² в рассказе «Правонарушители» (Николаевск, 1922). Л. Сейфуллина (род. в 1889 г.). Аналогичные мотивы имеются у Пильняка. О трагедии игумена Мельхиседека («Петушихинский пролом») мы уже говорили. Нужно отметить, в этой области Константина Федина (род. в 1892 г.) «Наровчатскую хронику, веденную Симоновского монастыря послушником Игнатием в лето 1919-е». (Литературно-художественный альманах «Ковш», кн. II. Ленинград, 1925). Характер боголюбивого, наивного, но в то же время не без жизненной ловкости и духовного одарения послушника удался автору. Над «Хроникой» царит образ «драгоценного учителя и настоятеля нашего, во имя святого апостола Симона Каноника монастыря — отца Рафаила». В трудностях дней... грозных, подобных страшному суду Господню». Не в силах был и отец Рафаил уберечь обитель от некоторого распада. Послушник Игнатий, посылаемый по делам монастыря в мир, несмотря на искреннее благочестие свое, соблазнился красотой «бывшей матушки Авдотьи Ивановны»; и борясь с собою, в душевное впал смятение. Состояние духа его не укрылось от прозорливого взора игумена.

«Ко мне постучался и вошел отец Рафаил. Я испугался не столько его посещения, сколько изменившегося его вида. Он сказал, что строго постился все прошедшие дни, неустанно мысля о предстоящей участи братии и моля господя упасти обитель от всякия скверны. Потом отец Рафаил сказал мне: — И твоя печаль не укрылась от меня, Игнатий. В рассуждении о будущем, я пришел к решению не мешать тебе выбрать путь по своей воле. У тебя всегда были склонности к мирской деятельности. На нас тоже лежит грех за твою душу: посылая тебя в мир, мы обрекли ее на испытание, непосильное в твои годы. Я вижу, как ты томишься. Если есть на то твоя воля — ступай в мир с миром. Я поклонился отцу Рафаилу в ноги. Христианская доброта этого человека — источник сил моих до конца дней».⁴³

«Хроника» выдержана в высоком «штиле» церковно-славянской традиции, тронутым стилистической взволнованностью Достоевского. По-видимому, маленькая вещь эта (24 стр.) занимает по литературным <нрзб.> сильное <?> место среди работ Федина. Общее впечатление — весьма традиционного⁴⁴, но несомненного мастерства...

.....

Вслед за рассмотрением «жизненно-бытийных», мы подошли к иного рода премствам — к традиции литературной. Мысля предлежащий очерк как обнаружение на материалах новой литературы принципа «связи времен» мы отметим также некоторые проявления (именно единичные проявления, отнюдь не беря проблемы в ее полноте): литературной традиции, ведь «традиция» жизненно-бытийная, с одной стороны, и литературная, с другой, восходит к единому сущностному корню^А. Наше рассмотрение ограничим элементарным признаком мотива. И не будем

^А «Займствования одним писателем у другого создают и здесь особого характера «ряды». Но содержание понятия «литературной традиции» не исчерпывается такими займствованиями. «Традицию писателя я представляю себе как зависимость от какого-то общего склада литературных норм, так же, как традиция изобретателя состоит из суммы технических возможностей его времени» (В. Шкловский).

касаться вопроса о том, как передается мотив («ходом туры» или «ходом коня»), по терминологии формалистов). Для нас достаточно, что он передается.

Напряженнее, чем в последние перед тем десятилетия, идут в современность токи от былых вдохновений Пушкина, Гоголя, Достоевского.

Ожили в современности⁴⁵ мотивы «Станционного зрителя», «Шинели», «Бедных людей». Леоновский бедный человек — Андрей Петрович Ковякин («Записи некоторых эпизодов, сделанных в городе Гоголеве»: Л. Леонов. Рассказы. Москва — Ленинград 1925).

Начало литературной традиции складывается, между прочим, в материалах сборника «Писателей об искусстве и о себе», Москва — Ленинград, 1924, в числе прочих в высказанных Л. Сейфуллиной, хотя для нее: «это от Толстого» (Льва Толстого) — винит жизнь, что от Достоевского — трудный для сравнения с определяющими литературными явлениями пореволюционного времени, послереволюционная литература⁴⁶ более традиционна.

⁴⁷Здесь восходит к традиции⁴⁸ не только основной⁴⁹ мотив: изображение⁵⁰ комического персонажа, который, однако,⁵¹ чертам комизма вырисовывается во внутреннем своем некоем человеком достоинстве⁵² восходят к ней и отдельные черты в трактовке основной темы, напр. мотив⁵³ суждений и этого⁵⁴ персонажа на общесоциальные, почти социально-философские темы, когда контрастом к разного рода мелкобывательским и комическим чертам тоже вскрывается «человечность» (ср. напр., суждения Макара Алексеевича из «Бедных людей» в письме от «сентября 5» с прошением о нестроении казармы на Ногаевом холму» А. П. Ковякина).⁵⁵ На фоне комических мелочей благополучного дореволюционного⁵⁶ и трагикомических черт голодного, холодного и кровавого послереволюционного существования заштатного города Гоголева развертывается сначала негромкая трагедия несчастной любви Андрей Петровича (приказчика и доверенного главного местного мануфактурщика), а затем конечная трагедия его духа, «переполох» его души. Служил он в совнархозе, бросил там «кто-то книжечку в уголок», а он «подоборал и прочитал ночью в присест. Объяснялось, будто все существование от обезьяны».

«Что ж, думаю, за дело такое. Где же судьба людей. И вдруг припомнил я Терлюкова, что он еще пораньше меня над обезьяной голову ломал. Побежал я к нему... Спрашиваю: «Дмитрий Никанорович, как же говорю если все от обезьяны?» А он мне: «Точно, говорит, от обезьяны. Но только человек-то от волка повелся. «Обалдел я весь, спрашиваю его тихо, а у самого в горле так и хрипит: «А волк откуда вышел?» «А волк говорит, полагаю, от червя или там от блохи какой». — И «сам хмурился». — А блоха, блоха, откуда она мерзкая, свой корень имеет? — Блоха. Полагаю от сырости блоха взвелась, отвечает Дмитрий Никанорович и начинает палец грызть. — А сырость откуда получилась? — Не молчи, не молчи, терзай до конца, — кричу я ему в смятении души. — А сырость от скуки, полагаю, завелась. Было скучно, стало сыро, вот и началась игра...»

Я и глаза раскрыл. Не знаю, реветь, не знаю — драться. Вылетел я от Терлюкова, помчался прямым ходом к Геннадию (Протоиерею). «Геннадий, еще в дверях кричу, неужто ж мы с тобой от скуки завелись? Разрешь сомнение, где тут суть. — А Геннадий засмеялся: «От скуки, говоришь. Это наврал тебе Терлюков. Начало всему есть Вышний. А в Терлюкове это толчок неопытного беса». — Ага, думаю, изобретатель

одноглазый! и полетел к Терлюкову. Бегу к нему через весь двор, спотыкаясь, зубами поскрежеживаю: «Врешь ты, кричу я ему, едва прибежал... Я от Вышнего, а это ты от скуки завелся...» А он, Дмитрий-то Никанорович смеется, да так и пронзает меня цельным своим глазом. «Тебе поп наврал, чтобы власть над тобою взять. В наше время все так будет; кто лучше врет, тот и властвует. Вышнего никакого нет, а Вышний твой тоже от скуки завелся...»

Поняв, что небылицу городил мне всю мою жизнь Геннадий, осатанел я вконец. С криком, как бешенный, помчался я к нему стремглав. «Поп, кричу, нет никакого Вышнего. И сам твой Вышний из сырости произошел... Зачем ты врал мне, Геннадий, которого я считал другом своего сердца?» А Геннадий усмехается тонко и говорит: — Что ж, в голенище на небо смотреть, так не то что Вышнего, а и луны иной раз не увидишь...» — Я тут хотел «караул» кричать и собственным криком поперхнулся...»

После этого стал Ковякин искать встречи с беглым монахом Феофаном, чудотвором, поднимавшим деревню, которого повсюду тщетно разыскивала власть. Набрел на него в лесу, бессловесного, звероподобного. «Феофан», закричал я опять, «которые же дороги правильны?» Ничего не ответил Феофан. «Эх... ждет луга скворцов на Благовещенье, а дождется ли — кому весть». Через несколько месяцев Андрей Петрович бесследно исчез из Гогулева».

Конечная трагедия А. П. Ковякина — одно из свидетельств о «религиозной возбужденности» современной России; в этом смысле она⁵⁷ сопоставима⁵⁸ с цитированными выше вещами историсофского духа; и оканчивается ожидаемым «скворцов на Благовещенье»...

Фединский «Бедный человек» — Афонасий Сергеевич Пушкин («Наровчатская хроника») «родом из крестьян», одаренный, по прихоти судьбы, кроме имени, также точным сходством «с знаменитым писателем. Всю жизнь прослужил на товарной станции, душу отдал культуру памяти поэта. Жил «почти в затворе»; как оказалось после его исчезновения, единственная комната его жилища вся заполнена «вещественными воспоминаниями о жизни и творениях Александра Сергеевича Пушкина... на всяческой мелочи... лежит отпечаток любовной руки почитателя поэта». Каждое воскресенье в сумерках, в шинели николаевской моды, с крылатою накидкой до пояса, в твердой высокой шляпе пронесился Афонасий Сергеевич среди гуляющей публики по главной улице Наровчата...» И тогда навстречу ему и следом за ним из сотен, а может быть и тысяч уст несется слово: Пушкин. Пушкин. Пушкин». Не оставил он обычая этого и после революции, когда воскресного гуляния на главной улице не стало. Но изменились времена. И однажды получил он такую бумажку: «Гражданину Афонасию Сергеевичу Пушкину. Предписываю Вам с получением сего немедленно оставить появление в городе в несвойственном виде, т.е. в одежде писателя Пушкина, и тем вводить в злостное заблуждение честных граждан и вообще прекратить обман пролетариата. В случае неподчинения приму зависящие меры. Начальник Наровчатской Гормилиции Макарушкин».

После этого Пушкин исчез. А через некоторое время река вынесла его тело к стенам монастыря.

В духе учебников и учителей словесности старого времени можно было бы сказать, что русские писатели продолжают призывать читателя к жалости⁹⁵: Около некоторой оси души народной русская жалость симметрична русскому застенку. Родила жалость, в числе другого, — русскую идейную медицину, «жалост-

ливостью» душевностью своей так часто отличную от бездушной, профессиональной, в большинстве случаев, медицины Запада. Русская медицина — и русская чека — система врачевания человеческих недугов и система причинения сугубых страданий и смерти лютой: чем, в своей области, не «двупреемство», не «двухтрадиционность»?..

Видимо, литературе русской суждено и еще властвовать над сердцами, старой властью и новой. — «Игнатий, письмо хорошо, но послать его невозможно; таких взволнованных речей иеромонах подписать не должен. Тебе, видно, очень понравился Федор Михайлович Достоевский. — Я тогда только потупился и ничего не ответил. Действительно, Федор Михайлович мне очень нравится» («Наровчатская хроника»). Леонов, Яковлев, Федин (да и другие), каждый в меру своих сил и возможностей, утверждают новую власть литературы. Русская культура как целое, состоящее из всех разновидностей⁶⁰ «искусств» и⁶¹ отраслей мышления, отмеченных⁶² началом «философской свободы» (⁶³отрасли⁶⁴ точных и «эмпирических» наук⁶⁵ <нрзб.> они <?> рассматриваемого круга⁶⁶ «культуры») отмечена с первой половины XIX в. «магистральным значением», «преобладанием» литературы, по развитию и влиянию, над другими отраслями. («Преобладание» это само по себе⁶⁷ не исключает возможности мощного в нем самом развития⁶⁸ «других» отраслей). Русский XIX век в значительной мере «литературен». Культурная жизнь этого времени в большой мере есть прямая «жизнь литературой», в слоях обывательских подобная той «жизни литературой», которая выступает, напр., в тех же «Бедных людях» Достоевского. В смысле впечатлений от культуры оба корреспондента этой «повести в письмах», и Макар Алексеевича, и Варвара Алексеевна, единственно-то литературой и «живут»^A.

В судьбах русской культуры не всегда было так. Для более ранних эпох, наряду и даже впереди развития и влияния литературы нужно назвать развитие и влияние иконописи и зодчества, отраслей, сосредотачивавших в более ранние сроки (в разные времена — по-разному) большую меру самостоятельности, движения, подъема, духовного интереса. В частности, русская культура знала возвышенные типы «жизни иконой». В старообрядчестве этот религиозно-культурный тип существует донныне... И даже переход (отчасти в связи с духовным «истощением» северного монастыря, в результате раскола, потом — с «европеизацией») основных средоточий культурного напряжения из монастыря (монастырского «городка») в дворянскую «усадьбу» — не сразу обозначился наступлением «литературной» эпохи в указанном выше смысле^B. Будем различать изобразительно-зрительные

^A Самый подбор произведений, которые Варвара Алексеевна присылает Макару Алексеичу и которыми оба «живут» (повести Белкина, «Шинель») обнаруживает ту литературную традицию, из которой исходят «Бедные люди». (ср. Н. Страхов. Борьба с Западом в нашей литературе, книжка II, СПб. 1883: Достоевский начинает от «Станционного смотрителя»). Традиция эта, нрзб в свою очередь, ведет в современность к Леоновским и Фединским «Белкиным» (А. П. Ковякиным), «Шинелям» (Николаевская шинель Афонасия Сергеевича), «бедным людям».

^B Монастырский «городок» и дворянскую «усадьбу» следует утвердить как два основных средоточия (центра энергий) русского культурного творчества, при чем в течение XVIII-го века преобладающее значение постепенно переходит от первого ко второй. Проблема монастырской культуры и проблема культуры усадебной суть две едва ли не наибольшие проблемы в истории русской культуры. В последние десятилетия развертываются в этом отношении некоторые новые процессы. «Усадьба» отходит в прошлое. Ее сменяет «город». Однако же культурно-исторический облик русского «города» в этой его роли еще не определился окончательно, во всяком случае он отноду

(живопись, пластика, зодчество; сюда же — «прикладное искусство») и словесно-слуховые (литература и музыка) элементы культуры. В XVIII-м веке, а также в первой четверти XIX-го века изобразительно-зрительные искусства, по⁶⁹ развитию и влиянию, держали «равнение» с литературой («ампирное» зодчество, тогдашний «портрет»). И только позднее, в середине XIX в. изобразительно-зрительные искусства, в общем и целом (не говорим об отдельных явлениях), впали в ничтожество, а литература грандиозно разрослась. И тогда же, параллельно литературе, получила мощное развитие музыка.

Сдвиг в соотношении между отдельными элементами культуры, происшедший в последние века в русской культуре, имел самостоятельную ритмику, не совпадающую с ритмом политико-социальных перемен и перемещениями культурно-энергетических центров (монастырь-«усадьба»). В зависимости от происшедшего сдвига в истории русской культуры может и должно различать две основных эпохи, отличающиеся одна от другой по признаку соотношения между различными элементами культуры: 1) эпоху яркой выраженности изобразительно-зрительных элементов и 2) эпоху преимущественного развития элементов словесно-слуховых.

Нужно заметить, что существуют отрасли, переходные между изобразительно-зрительными и словесно-слуховыми элементами культуры; таковы театр («драматический», «оперный» и пр.) и балетное искусство; отрасли эти обращены (соответственно) к словесным текстам и музыкальным произведениям; но притом тексты и произведения облекающего мысль «в плоть и кровь» средствами и приемами изобразительно-зрительных искусств. Замечательно, что развернувшись в течение XIX-го века упадок в пределах русской культуры изобразительно-зрительных элементов, в наименьшей степени затронул или вовсе не коснулся именно этих отраслей, примыкающих к литературе и музыке... Но и независимо от этого, каждая из различаемых эпох, эпоха яркой выраженности изобразительно-зрительных и эпоха преобладания словесно-слуховых и примыкающих к ним элементов, не может считаться внутренней вполне однородной. И если в первой были возможны примечательные произведения «словесности», вроде «жития» протопопа Аввакума, то и вторая видела живопись Иванова и Врубеля... Но для общего хода явлений характерно то, что ранние словесные произведения (напр., жития) были «словесными иконами», теперь же (во второй половине XIX века) картины стали «повестями в красках»^{A. 70}

И все-таки в пределах рассматриваемого круга культуры (искусств, мышления, отмеченного «свободой» также и вторая половина XIX в. не была однозначно «литературна». Скорее была она — «литературно-критична». Существовало в то время парадоксальное положение. «Литература» жила вл <нрзб.> ла как таковая. Но наряду с ней существовала как особая категория так сказать русской

не может быть отождествлен с историческим обликом европейского города.

^A Применительно к фрескам верхне-волжских (костромских, ярославских и пр.) изографов второй половины XVII в. отличают «подчинение живописи литературе», указывают, что живопись их носит повествовательный характер». Это указание не применимо к более ранней русской иконописи. Самое же отличие есть, быть может, раннее предвещание того порядка вещей, который возобладал в русской культуре во второй половине XIX в. «предварение эволюции». Однако <же> нужно отметить, что «повествовательность» искусства изографов XVII в., с одной стороны, и, напр., передвижников, с другой — существенно разноприродны; в искусстве изографов собственно живописное и декоративное начало довлеет себе, чего нет в искусстве передвижников...

культуры — «критика», собиравшая, как известно, в сложный свой фокус различные элементы философских, социально-политических и политических размышлений и импульсов (Белинский, Добролюбов, Писарев, Михайловский и пр.). Притом импульсы социально-политические и политические часто преобладали, и дело доходило до того, что культура как таковая вообще отрицалась ради политики; и в то же время отрицание это было «магистральным» в культуре; и уж во всяком случае «литература» истолковывалась прежде всего и перед всем как социальное или политическое «обличение». По мере духовного влияния своего и социального резонанса «критика» этого рода должна быть утверждена как самостоятельная, соравная «литературе» категория русского XIX века. И наряду с жизнью литературой мы наблюдаем «жизнь критикой»^А, перерождающуюся и переродившуюся⁷¹ в силу имманентных свойств «критики» в «жизнь революцией». Здесь устанавливается связь между рассматриваемым «кругом культуры» и собственно-политическими судьбами страны. Жизнь революцией определила многое в русском XIX и еще более — в русском XX веке, но как то вытекает из характера «критики», лежавшей в основе «революции», определило культурно-разрушительные, а не культурно-творческие процессы: сочетая свое действие с действием ряда других факторов, породила многостороннюю (одновременно политическую и культурную) катастрофу последних годов. — Одновременно с тем и независимо от существования «критики» этого рода, в России создалась и существовала подлинная и мощная историософия, построенная на утверждении «примата культуры над политикой»: славянофилы и соприкасающиеся с ними; корни этой историософии могут быть прослежены в глубину до XV-XVI века. В XVIII-ом и первой четверти XIX века в этой историософской традиции был некоторый перерыв⁷². И поэтому в XIX в. русская историософия создавалась до некоторой степени «наново». И в этом «создании наново» существовала <нрзб.> для избранных, обладала относительно малым социальным резонансом. Однако же с течением времени, независимо от протекания политических судеб России, степень культурно-исторической «магистральности» русской историософии постепенно шла вверх... Изменялась постановка вопросов, в них открывались новые стороны, но в общем проблемы историософии, в названном ее понимании, становились среди русской культуры все более насущными и центральными.

«И когда он вышел на улицу, он снова поднял перст и сказал хрипло от неимоверной торжественности: да! кто сказал: умерла культура. Культура продолжается...» Л. Леонов «Конец мелкого человека»^В.

И ныне новые плеяды русских писателей выдвигаются из обстановки затишья и даже скудости во многих других отраслях русской культуры, укрепляют, на не-

^А Вслед за «литературой» и «критикой» шла по своему влиянию — музыка. В среде русского XIX века наряду с «жизнью литературой» и «жизнью критикой» можно отметить как распространенное явление именно «жизнь музыкой». Также и сейчас музыка сохраняет исключительное место в среде русской культуры.

^В «Конец мелкого человека» в описании хода холодного, голодного и безумного конца палеонтолога, крупного ученого, профессора Дихарева весь проникнут бредовыми отношениями основных ныне (в последнее время) историософских размышлений и утверждений.

который, еще неизвестный нам срок ставшее традиционным магистральное значение литературы в сфере русской культуры^А.

Переход поезда русской культуры на новые рельсы по магистрали изобразительно-зрительных искусств, казавшийся столь близким в нынешний момент (?) не состоялся... Причиной сему (?) материальное оскудение, мало способствующее развитию «изобразительно-зрительных искусств», живущих в «материи», камне, металле; отчасти выяснившаяся несоразмерность творческого пафоса — пафосу исследовательскому, который сделал по части открытия старого искусства огромное дело... Как бы то ни было, ⁷³ результате развитий последних довоенных десятилетий произошёл расцвет театра и балета;⁷⁴ нужно думать, не погибли также семена новой живописи и нового⁷⁵ зодчества, но как творческая обще-бытийственная отрасль — литература продолжает главенствовать. «Критики» же этого сложного конгломерата многообразных⁷⁶ размышлений и импульсов, как основоположного по влиятельности и самостоятельного по значению фактора рядом с новой литературой мы не находим; и сама литература, исходя и опираясь на примеры уже и ранее бывшие (Гоголь, Лесков, Достоевский), из писания «о людях» становится писанием «о сущностях», в людях живущих, людьми представленных. Последнее время и теперь и, вероятно, на некоторый срок в будущее русская культура по «магистральным» своим отраслям была, есть и будет литературно-историософична... Между прочим, на этих наблюдениях основывается уверенность, что евразийство как историософская система по тону и заданиям может, должно быть подлинно современно.

II.

Как бы состязаясь с молодыми и в состязании этом исполняясь новой литературной силы — также М. Горький выступает на арене «историософической»⁷⁷ литературы⁷⁸ некоторыми «автобиографическим рассказами» (1923) и очерками книги своей «Заметки из дневника. Воспоминания» (Берлин 1924).⁷⁹ В повествованиях Горького иногда (не всегда) неприятен для современного восприятия он сам, рассказчик, когда в «историософическую» ткань рассказа вступает как человек «литературно-критической» («обличительной» по сказанному) эпохи: но не всегда это так: в других местах есть в тоне Горького примиренность и мудрость... Центральным, по нашему мнению, в книги «Воспоминаний» и наибольшим по объему является очерк об Н. А. Бугрове, миллионере, нижегородском «удельном князе». «Говорили, что Мельников-Печерский «В лесах» под именем Максима Потапова изобразил отца Бугрова». В очерке сообщается много подробностей и черт, ценных для мысленного изображения хозяйственного и просто «быта» нижегородского экономического «узла» и края. Закljučаются и небезынтересные мысли о соотношении власти и труда:

«Дай-ко мне ты власть, — говорил Бугров, прищулив здоровый глаз до тонкости ножового лезвия, — я бы весь народ разбередил, ахнули бы и немцы и англичане! Я бы кресты и ордена за работу давал — столярам, машинистам, трудовым, чёрным людям. Успел в своём деле — вот тебе честь и слава! Соревнуй» (другие подобные мысли также в иных местах)⁸⁰.

^А Образы «Наровчатской хроник» К. Федина, действие которой развертывается, как указано в заглавии, в 1919 г., дают права <?> «жизни литературной», аналогичные тем, которые для своего времени дал Достоевский в «Бедных людях». Герои «Хроник» вживаются и живут Пушкиным и Достоевским.

В другом очерке, не менее интересном, («Знахарка») Горький включает в пределы русской литературы другую, пока что мало затронутую ею среду: историческую и этнографическую среду мордвы. Мордва — крупная финская народность с основным в окско-сурском междуречье (северный предел — Волга), расселившийся также в совместном с русскими колонизационном процессе по частям губерний Казанской, Самарской, Саратовской, Уфимской и Оренбургской^А; народность жизнеспособная и «по размеру физических сил» и по «плодовитости» (движению населения); в своем углу игравшая немалую историческую роль (существует особая группа мордовских древностей и городищ, т. наз. «мордовских твердей»). Окско-сурское междуречье, характерная лесостепь, где чернозем и лиственные леса на них чередуются с песчаными болотными трущобами, где «всякой земли разложено по всем местам»... «Это исконная мордовская земля, сначала подчиненная болгарскому царству а потом непосредственно покоренная татарами». «В отношении всех покорителей мордва всегда держала себя наиболее независимой из всех финнов». Еще до татар (1229 год) в мордовской земле упоминаются и русские поселенцы, имевшие своего мордовского князя Пургаса: «Пургасова Русь». Очевидно, были они подчинены «сильной тогда Мордве»: русские и мордва умели соседить мирно. В XIV в. возникло агрессивное и значительное мордовское ханство, основанное ордынским выходцем Тогаем со средоточием на Наровчат.⁸¹ Победенное вскоре князем Олегом «мордовское ханство» распалось «после падения Золотой Орды мордва вошла в состав Казанского царства», но и тогда не пресеклись ряды мордовских князей...⁸²

После падения Казани мордва досталась Москве^В. С тех пор почти четыре столетия идет «поглодительный процесс». Смутное время «отодвинуло» его назад. С воцарением Романовых началась раздача пустопорожных земель между мордовскими поселками московским боярам и служилым людям с водворением ими на этих землях русских поселенцев» (Вот оно — продолжение «Пургасовой Руси» с изменившимися ролями)... Инородческий арзамасский угол, замкнувшись в своих многолюдных селениях, омываемый русской земледельческой волной, противоборствует, не уступает. Он несет в этом краю знамя сначала разинова потом пугачевского бунта. И в 1670 и в 1774 году разворачиваются по мордовской земле трагические кровавые события⁸³. Об этих временах хранит воспоминание горьковский «городок»:

«Сижу за городом (Арзамасом) на лысых холмах, едва прикрытых дерном вкруг чуть заметные могилы, растоптанные копытами скота, развеянные ветром. Сижу у стены игрушечно-маленького кирпичного ящика, покрытого железной крышей, издали его можно принять за часовню, но вблизи он больше похож на конуру собаки, за дверью его, окованной железом, хранятся цепи, плети, кнуты и еще какие-то орудия пыток, ими терзали людей, зарытых здесь на холмах. Они оставлены на память народу. не бунтуй — но горожане уже забыли, чьи люди перебиты здесь. Одни говорят: это казаки Степана Рази-

^А Численность мордвы по переписи 1920 г. определена в границах Р.С.Ф.С.Р. в 1.167 тыс. человек; но эта цифра, безусловно, не выражает «веса» мордвы в этнографии российского мира; есть много обрусевшей мордвы и у многих русских в жилах течет мордовская кровь.

^В Князья мордве назначались. Так, князья Енгальчевы (Кадомские) происходят от выходца из орды начала XVI в. князя Камы, внук которого Янгалич Бедешенич был назначен в 1580 г. князем Кадомской мордвы.

на, другие утверждают: это мордва и чуваша Емельяна Пугача. И только всегда пьяный старик нищий Затинщиков хвастливо говорит: — Мы при обоих бунтовали...»

«Во всех тех случаях, когда русский элемент одерживал над мордвою победу, это племя нередко предпочитало подчинению уход в Симбирскую, Тамбовскую и Пензенскую губ. или скрывание в лесах («Барсуки» П. Н. С.). Подобное упорство характерно для мордовского племени».

С конца 17-го и 18-го века мордва обращена в крепостную зависимость.

Язычество крепко держалось в мордве. Еще в 19-м веке около его середины, возникло движение, руководимое «мечтателем», известного в простом народе под именем «Кузьки — мордовского бога» по восстановлению «старой веры». Стоит восстановить старую веру и по словам проповедника, «весь свет примет закон, обычай и одежду мордовские и во всем будет следовать мордовским обрядам, а они мордвина, будут свободны, не будут принадлежать помещикам и платить оброка, а будут первыми людьми». В этой попытке сказалась какая-то странная смесь языческих религиозных представлений с христианскими. Христос, Божья Мать, ангелы, царь Давид являются здесь рядом с мордовским «Переєм» и «Мельцедеем» — громовым сыном». Во время мордовских молян возле кадки с медом стоит икона св. Николая... С 60-х годов XIX столетия обрусение мордвы во всех отношениях пошло быстрыми шагами. Окруженная тесным кольцом русских поселений, мордва все более впитывала в себя элементы русского быта, забывая свои моляны, отвыкая от старых верований и обычаев. Саратовская и заволжская эрзя, окруженная раскольническим населением, обнаруживает даже склонность к старообрядчеству. Среди женщин здесь развивается так называемое черничество. Молодые девушки отрекаются от брачной жизни, запираются в кельи для того, чтобы молиться и читать богоугодные книги... В чернических кельях Бугурусланского, Бузулукского и Самарского уездов нашли, напр. себе прочную почву секты «блаженных», «собеседников» и «людей Божих».

«Новейшую историю мордвы облакает в образы Горький. Знахарка Иваниха

«дочь некрещеного мордвина, охотника на медведей и колдуна, убитого во время мордовского движения сороковых годов.

— Отец-то ее самому Кузьке, мордовскому богу*, бунтарю, приятелем был...

После смерти отца Иваниха осталась подростком-сиротой, ее окрестили, когда она была уже взрослой девицей, и вскоре после этого на ней женился лесник.

Три года она, бездетно, прожила с ним, а на четвертый, весной, лесника задрал медведь. Иваниху оставили в лесной сторожке, и она начала бить медведей, — леса Сергача славились обилием этого зверя, и до семидесятых годов XIX века мужики-«сергачи» были лучшими дрессировщиками и «поводырями» медведей на всю Россию. Била Иваниха зверя «по-мордовски»: обкладывала правую руку лубками, окручивала ее, до плеча, сыромятным ремнем, в кисть брала нож, а в левую руку — короткую, вроде тямки, секиру. Когда зверь шел на нее, разинув пасть, она била его тямкой по лапам и, сунув нож в пасть, вспарывала горло медведю. — Эдак только мордва била медведей, это требует силы зверячьей... ее и на сходе уважают, слушают, даже становой боится... Она — бесстрашной жизни и всем тайностям владыка».

У нее-то среди ночи и подслушал Горький одну из лучших бесед человека с Богом, может быть, лучшую из всех, какие довелось ему, Горькому, слышать.⁸⁴

В знахарке — нравственная сила, но ходят в ней черные <нрзб.>, за нею — черные «ряды».

— Мордва не люди стали, кому верить — не знают. И вы — не люди. Кереметь сердит на вас, мешает жить, оба они мешают, один — вам, другой — нам. Злые оба. Бог человеком питается, а человек стал тоже злой, горький стал...

Посветлевшие глаза старухи блестели укоризненно и жестко, она становилась все меньше похожа на русскую, и что-то властное звучало в ее словах. Медленно разгибая сломанную шею, она точно намеревалась ударить меня головой, и это было так неприятно, что я выпрямился на стуле. И все чаще встречались в ее речи слова, чужие мне, мордовские слова.

III.

Возможно, особый подход к литературе, подход со стороны установления тех «географических ландшафтов», которые отобразились в литературно-действенных вещах эпохи; в наблюдениях этих уясняется, как переходит внимание литературных творцов от одних географических сред к другим, как в разных эпохах они населяют, «колонизируют» образами разные географические области. Подобным подходом к литературе будет географическим к ней подходом; назвать его «литературным», конечно, отнюдь нельзя. Это похход особый, не покушающийся на «права» всех прочих возможных подходов... Процессы «миграции внимания» и «поэтической колонизации» являются предметом названных наблюдений, в большой степени зависят от обстоятельств биографии тех, кто в данную эпоху «делает» литературу: в большинстве случаев писатель избирает в качестве «местодействия», среду, знакомую ему в силу биографических обстоятельств и потому, одним из моментов рассматриваемого подхода является выяснение, откуда (в географическом смысле) происходят литературные творцы каждой эпохи, где собирали они свой жизненный опыт и в какой мере географические обстоятельства происхождения жизненного опыта отобразились в произведениях эпохи: далеко не все, в этом отношении, определяется биографией, есть эпохи, которые мало отображают или не отображают вовсе географических ландшафтов, хотя, конечно, биографии литературных творцов и этих эпох поддаются географическому определению. Другие эпохи — также и⁸⁵ в зависимости от биографических обстоятельств делателей эпохи, имеет географических «избранников», «географические ландшафты», в рамках которых они особенно охотно помещают своих «героев». Небезынтересно определить, не сказывается ли в процессах «миграции внимания» и «поэтической колонизации» так же, как и в том, уроженцы каких местностей в данную эпоху делают литературу, и где собирают они свой жизненный опыт, — не сказываются ли в этих обстоятельствах определенные «правильности», не обнаруживаются ли здесь элементы неслучайного?.. Такой же вопрос возможен относительно направления исторических интересов эпохи... Наконец возможно рассматривать литературу из точки зрения этнографической рамки, в которую она помещает свои «действия», со стороны того этнографического материала, который развертывает в своих творениях...⁸⁶

Горький, уроженец Поволжья, проведший на Волге значительную часть жизни, дает богатый материал по Поволжью.⁸⁷ Об очерках его «Воспоминаний» 1924 г.⁸⁸ действие которых он помещает в рамку мордовской земли⁸⁹ сказано выше⁹⁰ см. главу II-ю.

Мордовская земля <оказывается>⁹¹ местодействием значительной группы вещей новой литературы⁹²; помимо очерка Горького, недалеко «от прилегающей мордвы» развертывается ход леоновских «Барсуков» и его «Записей некоторых эпизодов...». «Русская мордва» и «мордовская Русь» составляют географически-этнографическую рамку в части романа К. Федина «Города и годы». Его же «Наровчатская хроника» вводит в литературу имя одной из мордовских резиденций⁹³ (см. выше).⁹⁴ «Инсценирует» <?> мордовский обычай А. Яковлев в рассказе «Жених полночный», и, следовательно, действие этого рассказа помещает также в «мордовскую Русь»... Изображает «рогатую» (по форме женского головного убора мордву Б. Пильняк в «Голом годе»).

И почти повсюду в соответствии с условиями расселения (во многих местах мордва живет «вперемежку» с татарами) упоминаются татары. О них говорится в полдесятке мест автобиографических рассказов Горького. В «Барсуках», в ряде случаев, выводится «татарчонок». Татары упоминаются в записи некоторых эпизодов, они же выступают в бытовых и этнографических сценах «Голого года».

На некоторое время от «литературы» уклонился в «историю» с тем, что «история» снова приведет к «литературе».⁹⁵ Пока же от мордвы переходим к татарщине...^A По поводу отношения евразийцев к историческому явлению татарщины высказывается критик: «Весь... апофеоз русско-татарского единения производит весьма странное впечатление на человека, хотя бы несколько знакомого с фактами русской истории... всю... подлинную историческую действительность нам хотят подменить картиной какой-то трогательной русско-татарской идиллии... много страшного, жестокого и кровавого рассказывает русская история о «злом татарине», о «безбожных огорянках»». Но в ответ на слова историка, опровергающего ссылкой хоть на некоторое «знакомство с фактами русской истории» утверждение о двузначном, многосоставном (одновременно — отрицательном и положительном, и вернее, чрез отрицательное положительном, с точки зрения религиозно-национальных направленностей России) влиянии монгольского ига в ответ на эти слова в памяти встают «факты» и образы...

... Князь Феодор Чермный Ярославский: «Князь Феодор, женившийся в Орде на ханской дочери, которая окрестилась под именем Анна, водворился в Ярославле при помощи татар в 1256 г. В течение продолжительной своей жизни кн. Феодор был одним из самых деятельных, храбрых, подвижных и вообще выдающихся русский князей второй половины XIII века и пользовался всеобщим уважением не только в Ярославле, но и во всей верхневолжской Руси. Всегдашнее его благочестие заставило его в конце жизни (в 1299 г.) принять иночество, а Церковь причислила его к лику святых, также как и двух сыновей его Давида Ярославского и Константина» (сыновей ханской дочери)...

...Князь Глеб Ростовский, сын кн. Василька, взятого в плен татарами в битве при реке Сити, убитого и брошенного в Ширинском лесу. Ростов перешел к Гле-

^A Пользуемся обычным «обывательским» обозначением интересующего нас явления. Всячески хотим подчеркнуть, что основным «инициативным ядром» создания державы Чингиза и его преемников были монголы; монгольским был высший правящий ~~эт~~ слой и язык управления. Тюрки («татары») присоединились и вошли в расширительный процесс, руководимый монголами, и только впоследствии в определенных частях монгольской державы передали также верхам свой язык и свое имя. ~~ин~~ А. Кизеветтер в статье «Евразийство», «Русский экономический сборник» III, Прага, 1925

бу в 1277 г. «Этот Глеб был типом прекрасного русского князя и несмотря на свое кратковременное княжение в Ростове оставил по себе самую добрую память. Вызванный ханом Менгу Тимуром, он своей храбростью помог хану в его походе против ясов, в 1277 г. вернулся с почестями и женой, родственницей хана в св. крещении Феодорой и воспользовался его благосклонностью для освобождения множества русских из плена. по возвращении своем кн. Глеб Ростовский был очень благотворителен, построил много церквей. Ко всем был любовен и милостив, гордость ненавидел и отвращался от нея, как от змия; когда умер, то великую жалость и плач оставил по себе)... Если припомнить еще Александра Невского, то появится некое «постоянство»: каждый выдающийся верхневолжский князь второй половины XIII в. был велик не борьбой, но умной дружбою с татарами...⁹⁶

На представительницах татарского ханского рода⁹⁷ были женаты и еще многие русские князья, напр., кн. Юрий Данилович Московский, предшественник и брат Калиты — на Кончаке в св. крещении Агафье, сестре хана Узбека... В браке дочери сестра ханов⁹⁸ всегда принимали Православие⁹⁹.

Царевич Петр, принявший в орде от ростовского епископа Кирилла св. крещение — племянник хана Берке, преемника Батгя. «Царевич этот купил землю у кн. Бориса Васильевича ростовского (предшественника и брата Глеба), построил на ней монастырь, а овдовев, пошел в иноки. Умер он в 1254 году и мощи его покоятся под соборной церковью Петра и Павла^А (святой татарин!). Также и о царевиче Петре не следовало бы забывать тем, кто говорит только о «злом татарине», только о «безбожных огаринах»¹⁰⁰ — вся история Царевича Петра — знак борьбы верхневолжской (русской, Православной) и «средневолжской» (булгарской, мусульманской с 922 г.) культуры при дворе хана Берке^Б. Сам Берке, первый из ханов, оставил шаманство и принял мусульманство. Царевич Петр, видимо, не разделил его выбора и удалился в Ростов. «Средневолжская» культура победила и постепенно впитала в себя монголов¹⁰¹ ханской ставки. В последствии крепость этого симбиоза выразилась в историческом явлении Казанского царства (1437-1552), вышедшего из монгольской¹⁰² государственной традиции, но обосновавшего свой центр в самом средоточии бывших булгарских земель. Но более прочная победа осталась таки за казанским победителем 1552 г. и теми, от кого он вышел и кого вел... Конечная победа осталась за достославным царевичем Петром.

... ханский баскак Буга (Бугай), баскак великоустюгский (XII в.), впоследствии крестившийся и построивший церковь во имя Иоанна Предтечи (теперь женский Иоанно-Предтеченский монастырь)^С.

... мурза Чета, бежавший из Золотой Орды при Иване Калите, принявший св. крещением под именем Захария и сделавшийся родоначальником двух боярских фамилий, Годуновых и Сабуровых. «На том месте, где заболел опасно на пути в Москву, он узрел видение, его исцелившее, он построил Ипатьевский Костромской монастырь. Годуновы этому монастырю всегда благотворили».

Митрополит Алексий, основатель (в 1365 г.) Чудова мужского монастыря На месте монастыря в XIV в. находился ханский конюшенный двор, подаренный ха-

^А От Петровского монастыря — имя заштатного Ростов. уезда города Петровск

^Б Ср. в той же книге «Евразийского Временника», гл.

^С Б. И. Дунаев. Город Великий Устюг, Москва 1915.

ном Джанибеком Алексею за исцеление им от глазной болезни ханши Тайболы.

... Святой Пафнутий, в мире Парфений, внук принявшего св. крещение татарского баскака, основатель Пафнутьевского Рождественского (Боровского) монастыря. «По показанию современников св. Пафнутий был страшным старцем, имевшим дар по лицу приближающегося к нему человека угадывать в нем всякую дурную страсть, всякое дурное его дело» ... (Святыня Оптиной пустыни — образ святого Пафнутия Боровского...)

Все новые вспоминаются «факты» и образы. Достаточно сказанного. Общее ознакомление с историей¹⁰³ XIII-XVI веков дает представление, что неслучайные факты и образы взяты в предыдущем, упомянутые деятели — одни из наиболее значительных фигур верхневолжской Руси XIII-XV веков, люди — «знамения эпохи», в тогдашней верховой Руси татарин, и в злом и добром своем появлении был не менее обычен, чем, скажем, немец в Санкт-Петербурге XVIII века. Только татарин умел более ценить основной стержень русской жизни — Православие, чем это делал немец; хотя и из немцев выходили монахи Оптиной пустыни.

Ссылкой на «злого татарина» и «безбожных агарян» можно ли снять проблему о сложной природе, не однозначном определении татарского периода русской¹⁰⁴ истории...

В числе задач русской литературы в перспективе на будущее стоит не последней обширная и плодотворная задача поэтической «колонизации» татарских столетий России. Татары в русской литературе выступали пока что в зверином, не человеческом образе, машинами разрушения, символами жестокости, только насильниками, только убийцами... Между тем, в соотношении Руси и татарства были не одни лишь жестокость, разрушения, насилие и убийство. И взамен манекенов, населявших доселе в нашем сознании «татарщину», пришло время колонизировать ее живыми образами живых людей, часто жестоких, часто насильников, много содевавших в разрушении и убийстве, но не таких уж простых не всегда односложных, именно людей, а не манекенов, с разнообразными импульсами, многими устремлениями... Автор этих строк не возьмется утверждать, что задача эта доселе оставалась вовсе не разрешенной. Может быть, при исчерпывающем знании всех больших и малых ответвлений русской литературы уже и для предшествующих эпох можно назвать те или иные произведения, ставящие себе эту задачу; напр., даже в меенской (Л.А. Мея) «Песне про боярина Евпатия Коловрата» в целом выдержанной в шаблонных чертах, есть отдельные отклонения в сторону более сложного восприятия. Но что несомненно — это отсутствие поэтических воплощений татарщины в основных центрах магистральных¹⁰⁵, влиятельных узлах русской литературы, таких воплощений, какими, напр., для Московского периода является Пушкинский «Борис Годунов», для Казацкой Украины — гоголевский «Тарас Бульба». Переходим к леоновскому «Туатамуру»¹⁰⁶ (Москва 1924, помечен автором маем¹⁰⁷ 1922 года).

Туатамур заключает рассказ о том, как Чингиз, «покоритель Средин», послал верного Туатамура на покорение Кипчи; как был Туатамур Кипчу и «орусов» (на Калке); как полюбил пошедшую с ним в поход дочь «покорителя Средин» девушку-богатыря Ытмарь; как «убила себя Ытмарь от тоски по ею же сраженному князю орусов — «Джаньилу»: «здесь голубые глаза жалят сильнее стрелы¹⁰⁹; и как стал Туатамур, славный завоеватель, никому не нужной «дряхлой собакой Чингиза»...

¹¹⁰«Туатамур» есть^А запечатленье обнаженной стихии войны. Война и верность (вождю своему Чингизу) вот основные темы «Туатамура», переплетающиеся с третьей темой: любви... Мы не будем делать выписок из «Туатамура»^В ¹¹¹Не будем также ставить вопроса о том, насколько «идентичны» отдельные подробности: не вдохновлены ли, напр., слова Туатамура о самом себе («Я, Туатамур...») более надписями ассирийских царей, чем монгольскими памятниками; мог ли (с точки зрения истории наречий) произносить Туатамур те татарские слова, которые ему приписаны; имелись ли у полководцев Чингиза походные палатки из полотна (а не юрты из войлока). Как бы не обстояло дело с этими подробностями — задачи поэтической колонизации татарщины в пределах взятой здесь темы разрешены;¹¹² «Туатамуром» показана поэтически-образная современность татарских тем евразийства.¹¹³

.....
 Ни один феномен из истории старого света не характеризуется так явственно и не способствовал так сильно, как монгольское расширение и монгольская держава XIII-XIV веков, раскрытию и укреплению некоторого важнейшего обстоятельства в бытие евразийского мира; это обстоятельство — непрерывность цепи исторически-бытового и психологического родства, сопрягающего в единый историко-психологический ряд угро-финнов, тюрков и монголов^С.

В этом отношении отличие евразийского мира можно найти, между прочим, в непрерывности связи и постепенности переходов в пределах названного ряда, непрерывности и постепенности, которые могут быть сопоставлены и противопоставлены такой же непрерывности и постепенности в пределах романо-германского мира; но здесь в Евразии объединительные начала пожалуй еще сильнее... Значение монгольского расширения и монгольской державы (подобное значение некоторых других меньших «объединений» и держав, напр., гуннской) заключается, между прочим, в том, что держава эта не только сопрягала в политико-культурное целое перечисленные народы, но и вела их на дальнейшее расширение, перемешав захваченные в поток элементы в котел единого водительства и быта (аналогия в истории Европы — держава Карла Великого!).

Потому в смысле чистой литературной задачи поэтической «колонизации» таких миров, как среда «средне-волжской» и «волжско-камской» культуры, в отдельных преемственных ее воплощениях, или историко-этнографические миры отдельных вовлеченных в свое время в единство монгольской державы племен и народов Евразии (подобных очерченной в качестве примера историко-этнографической среде мордвы¹¹⁴) — эти задачи поэтической колонизации предполагаются как бы вокруг проблем литературного освоения татарщины...

Русское племя «включилось» в этот непрерывный финно-угро-тюрко-монгольский ряд; включилось исторически-психологическими сближениями с

^А подобно.

^В петит! отнюдь. Не нужно думать, что чтение «Туатамура» является «услаждающим». Восприятие обнаженной стихии войны не может (перечеркнуто: принести) быть (перечеркнуто: сладостным) сладким. К чтению «Туатамура», перефразируя, можно (перечеркнуто: будет можно) нрзб применить один из леоновских (перечеркнуто: фраз) афоризмов: сильный станет сильнее в нем, слабого охватит уныние.

^С Петит! См. статью князя Н. С. Трубецкого «О туранских элементах в русской культуре» (Евразийский временник, книга 4, Берлин 1925).

инородцами (сближениями, о которых русская история есть сплошное свидетельство) и наряду с тем антропологическим смешением: начальными¹¹⁵ — с финнами на севере (в волжско-окском междуречьи) и с тюрками на юге (на пределах Киевской Руси), более недавними как бы «повторными» и «дополнительными» — во все среднем и нижнем Поволжье, на Урале, в западной Сибири и т.д.

Этими включениями создан единый, бытовой, психологический и тем самым исторический «ряд», ограниченный на Западе историческим противоположением русского и польского племени, а на Востоке — таким же противоположением моголов (внешней Монголии) и китайцев. В этих пределах — от рубежей Польши до рубежей внутреннего Китая можно говорить в указанных выше смыслах о расовой целостности Евразии, целостности, «аналогичной» устанавливаемой евразийцами, географической целостности российско-евразийского мира...

Русское племя проникло теперь во все углы Евразии, проникло в разные времена: в одни углы того мира проникло в «доисторические» моменты (до IX века), в другие (напр., на крайний доуральский север) между XI и XV веками; в третьи — в XVI-ом, XVII-ом, XVIII-ом, XIX-ом и даже XX-ом веках. (В XX веке впервые появился русский элемент как постоянное население напр., во внешней Монголии). В то же время в Евразии как в целом и в преобладающем составе ее частей русское племя достигло преобладания по числу над прочими племенами. В этом своем расселении,¹¹⁸ демографической роли и в сближении своем с прочими племенами Евразии — русское племя стало скрепой расовой целостности Евразии, более мощною, чем была Монгольская держава... Тем более нужно почитать и воспоминать прошлых обоснователей и воспособителей по новому утверждаемого единства.

.....
Продолжим замечания о географической приуроченности «место-действий»¹¹⁹ русской литературы¹²⁰. [Нужно подчеркнуть, что в отношении географической приуроченности «место-действий» (также как и во многих других отношениях) новая литература представляет собой непосредственное продолжение прежней]¹²². По преимуществу, сосредоточим внимание на некоторых видах новой литературы. Но упомянем два-три обстоятельства и из прошлого русской литературы¹²³.

Замечания наши имеют все нрзб характер «постановки проблемы», а отнюдь не нрзб В отношении такого исследования «место-действия» произведений нрзб эпох русской литературы, в составе значительных и менее значительных вещей эпохи (то есть в том разрезе, в котором¹²⁴ берем новую литературу), и произведения отдельных больших писателей XIX-XX века — представляют, каждое, особую тему...¹²⁵

Географические рамки пушкинских вдохновений берутся широко: в них не только обе столицы (место действия большого количества воспроизводящих «жизнь» творений русской литературы) не только Новгородско-псковско-тверская деревня, но также Украина, Поволжье (к которому тянуло и Пушкина), Приуралье и особыми номерами («Кавказский пленник», «Бахчисарайский фонтан», «Цыгане»¹²⁶ и пр.) — Северный Кавказ, Крым и Бессарабия. Именно эти южные края, еще со времен Пушкина, были тесно освоены русской литературой, временами успешнее, чем этнографическая, шла «поэтическая» колонизация этих пределов. Вспомним хотя бы незабываемые образы Кавказа, данные Лермонтовым...¹²⁷ И снова Кавказу посвящает две стихотворные вещи 1924 года¹²⁸ не без-

дарный Николай Тихонов («Красные на Араксе» и «Дорога», «Ковш» кн. I и II). Среди строк мало интересных и вымученных, есть строки звенящие и среди них — строки, простертые к «Мцыри». Вот стихи о работающих на Зем-овчальской стройке (одной¹²⁹ из¹³⁰ работ по «электрификации») — послушнике¹³¹, бежавшем из монастыря (в примечание поэт уверяет, что такие работники — беглецы имеют в натуре):

Как ни закатывай рукава -
ты среди пестрых пестрых,
слишком отчетлива голова
и ярость не по росту
— Довольно, ты схвачен — сознайся,
не ты ли грозу горячил.
Не ты ль опрокидывал барса
и ямбу судьбу поручил...
Теперь в отряхающем
каменность мире
я снова ломающий
правила Мцыри.^A

Хороши стихи о Тифлисе:

«То хвастал пышной тканью
или зурной хвалебной,
то падал в серной бане
снопом воды целебной,
сбегая с головы
прокипяченной дрожью
на каменные швы
у моего подножья»^B

Ничего соразмерного литературным отображениям¹³² доуральской России и Кавказа, в отношении Туркестана, Степного края (и всей «великой степи») Сибири и Дальнего Востока русская литература¹³³ пока что не дала¹³⁴. Конечно, некоторые отраженья географического и людского мира названных выше стран имеются в русской литературе, но отраженья разрозненные, по большей части второстепенные, во всяком случае это только (?) мало влиятельные вещи¹³⁵. Дать незабываемые образы природы и населить современными людьми эти страны — тоже одна из перспективных «географических» задач русской литературы...¹³⁶

Доуральской России в судьбах русской литературы в ее «географически-поэтической» стороне, везло более. В свое время Полтавщину анекдотическую, но красочную показал в своих творениях Гоголь и тем же обосновал традицию¹³⁷. Он же дал описание (местами гиперболическое) прилегающей южной степи — по своим природным условиям наиболее благодатной части¹³⁸ «степного ядра» континента. Существует в русской литературе целый большой отдел,

^A из: можно в два столбца

^B из: можно в два столбца

воспроизводящий образ северно-черноземного и южно-нечерноземного «центра» — тех мест, где есть и плодородие полей, и богатства рош¹³⁹. Из числа вещей новой литературы веет запахами этого края «Русь» Пантелеймона Романова. Автор, по собственному его указанию, «родился в с. Покровском, Тульской губ., Одоевского уезда»^А.

Переходим к Поволжью. Именно среднее Поволжье в широком смысле этого слова, с Посурьем и прилегающей частью Донского бассейна, и низовой Окской землей, а также Прикамьем — является избранником рассматриваемой части новой литературы, избранником скорбным, ибо забываемы лютые голодные смерти, не везде залечены раны...¹⁴⁰

Вспомним, именно в Поволжье в указанном смысле слова разворачивается действие «Петушихинского пролома» Л. Леонова, «Тернового венца» и «Повольников» А. Яковлева, реальность географической обстановки Поволжья (в частности нижнего Поволжья) чувствуется в «Голодном годе», а также в некоторых повестях и рассказах Пильняка. Не перечисляем упомянутых выше вещей новой литературы, действие которых приурочено к пределам мордовской Руси: все эти вещи, так или иначе, относятся к «Поволжью», а таких вещей, как было сказано выше, можно насчитать не мало... На Поволжье указывают биографии ряда писателей. В особенности мы хотели бы отметить как вещь, заслуживающую внимания, автобиографию А. Яковлева, в начальной части своей окрашенную «местным колоритом» Поволжья. В дальнейшем приводим выдержки не только из этой начальной части, но из всей автобиографии Яковлева, считая ее интересным дополнением и «соответствием» приведенных выше вещей историософского духа. Писатель родился в Вольске, отец — маляр; все родственники со стороны отца — крестьяне, бывшие крепостные графа Орлова-Давыдова; со стороны матери — бурлаки на Волге. Из всех родичей — только мать и дед — ее отец — умели читать церковно-славянские книги, но писать и они не умели. В раннем детстве — строго религиозный быт, «толстые книги в кожаных переплетах — эти книги читала моя мать, почти всегда со слезами». В 9 лет Яковлева научили читать. Сильное влияние житий святых, «книжек о разбойниках» и сказок. «На 12-м году я убежал в Пермские леса, чтобы стать святым отшельником. Прошел около тысячи верст (до Казанской губернии), но измученный голодом и дорогой вернулся. Впрочем в это же время я мечтал сделаться и разбойником» (ср. «Терновый венец» и «Повольников»! П.Н.С.). Затем — от глубочайшей веры — к полной потере веры. «Время мук необычайных. Где смысл?» Карьера с.-р.-максималиста; шесть лет «безумств». Дальше «революция ... перестала быть религией». Война. «... Война, как тема, занозой сидит в моей душе». Зиму 1918-19 г. провел, не раздеваясь, в валенках, шубе, шапке, тогда же «умерло два мои самых близких человека...». «Годы нрзб... Помогла литература, стал писать. Летом (каждое лето) ходил по России; смотрел. Видел Россию поверженную, вижу поднимающуюся. И — похоже — Россия ... и человечность становятся моей новой религией».

На Поволжье указывает биография Б. Пильняка (Вояж): «отец земский ветеринарный врач — из немцев колонистов Поволжья, мать — из старинной сара-

^А Все приведенные здесь и ниже биографические сведения о новых писателях заимствованы из книги: Литературная Россия. Сборник современной русской прозы, под редакцией Вл. Лидина, Москва, 1924.

товской купеческой семьи (ныне уже вымершей)... В писателе «четыре крови: германская и чуть-чуть еврейская со стороны отца, славянская и монгольская (татарская) со стороны матери».

Говорит о Поволжье биография К. Федина, родился в Саратове, отец — крепостной господ Бобарыкиных, Пензенской губ., мать — дворянка. Учился в Саратовском Коммерческом училище. В последние годы странствует «по Воле от Нижнего до Астрахани, в степь до Уральска»...

141

Как постановку проблемы (именно постановку, а не «разрешение») отметим вещи Л. Сейфуллиной, развертывающиеся в ландшафте Башкирии, в частности, «Пережной»: «башкирин тоже в нашей волости водится»; действие происходит на границах Киргизии, в соседнем городе: «после всех, отдельно, прибыла киргизская часть. Впереди несли красное знамя и на пике металлический полумесяц с бубенчиками. Низкорослые, кривоногие, скуластые шли нестройными рядами и пели гортанными голосами киргизскую песню. Будто играли на какой-то полузабытой, но в давнем нрзб всем волнующей дудке». Специально Киргизии посвящены «Голубые пески» и «Цветные ветры» Вс. Иванова, отчасти же — заключительная часть «Возвращения Будды», вещи незаурядной. Но именно в «Возвращении Будды» географический ландшафт «великой степи» выступает только в самом конце, в главе VII-ой: «степь весной, суслики и, как всюду у меня (Иванова), пестрые травы и ветры». Другие же вещи, по литературным качествам, — «сырые», такова посвященная горному Алтаю повесть «партизаны» (авторская пометка январь 1921 года) и развертывающая канву действий в Приморье (на Дальнем Востоке) повесть «Бронепоезд №14-69» (помечена июль 1921 г.). От некоторых эпизодов несет макулатурой (американец, взятый в плен партизанами, не понимающий по-русски, умиляется при имени Ленина и советской республики; монах, игумен монастыря, без видимых оснований раздражается бранными словами). Любимый герой Иванова — в «партизанских повестях» — мужик, нутряно-почвенный и «земляной» (Вершинин в «Бронепоезде»..., Селезнев в «Партизанах»), Калистрат Ефимыч — в «Цветных ветрах»). Такому герою под стать выразительно-земная, «почвенно»-географическая рамка, и действительно-географический ландшафт Тарбалагая, Алтая, Приморья, видимо, привлекает к себе внимание Иванова, а в некоторых местах «Цветных ветров» именно «географический ландшафт» становится даже главным «героем». Немало у Иванова этнографического материала — киргизского (в «Голубых песках» и «Цветных ветрах» — в особенности образ шамана Апо) и монгольского в «Возвращении Будды»; материал же, касающийся быта русских поселенцев, тарбалагайских, алтайских, приморских в «Партизанских повестях» имеется повсюду... Критика отметила достоинства рассказа «Дите» — с пейзажем Монголии, как фоном...

Биографии Л. Сейфуллиной и В. Иванова уводят в Зауралье. Л. Сейфуллина в ст. Варламово, Троицкого уезда, Оренбургской губ. (за Уралом); отец — крещеный татарин, взят маленьким на воспитание священником Ромчинским, отдан в учительскую семинарию в Казани; мать — крестьянка; писательница образование получила в Оренбургском Епархиальном училище и в Омской гимназии; одно время работала в Орском уезд. земстве; в 1917 г. — уездный гласный «голо-

сами башкир и сектантов»; работала также в Челябинске, Новониколаевске и пр.

В.В. Иванов родился в поселке Лебяжье (на Иртыше, несколько выше Павлодара). Мать — из семьи ссыльно-каторжных польских конфедератов, смешавшихся с киргизскими; «отсюда мое инородческое, да и у всех сибирских казаков много монгольского»; отец — «незаконнорожденный сын туркестанского генерал-губернатора (фамилию запомнил, кажется, Кауфман)...». Если это так, В. Иванов — внук одного из замечательных администраторов XIX века. Отец писателя «знал 7 восточных языков». Юношей В.Иванов, в качестве приказчика, ездит «менять мануфактуру на масло в киргизскую степь»; затем — работа наборщиком; в 1918-19 году — состояние беглеца, скрывающегося от властей, под ежеминутной угрозой. В эти месяцы В. Иванов не ушел из Сибири в «Россию» — «не из трусости, а от того, что никогда не бывал дальше Самары. Тяжело одному идти в незнакомые места».

.....
 Пожалуй¹⁴², ранее всего «колонизовала» русская литература древнекультурные окраины нынешней доуральской России: Кавказ и Крым. Одновременно и даже¹⁴³ несколько¹⁴⁴ позже стала развертываться поэтическая «колонизация» исторического «центра», географической колыбели русского племени. В современности географическим «избранником»¹⁴⁵ определенной части литературы является Поволжье. Но отдельные черты и биографии уводят и дальше на восток...

В смысле «миграции вниманья» и «поэтической колонизации» не происходит ли в пределах русской литературы, своеобразный «исход к Востоку»? и в этом исходе, как «солнце в малой капле вод», — не отражаются ли более широкие процессы «миграции культуры»?...

Проблема «местодействия» литературных творений связывает литературу с более широкой проблемой: проблемой «месторазвития» всей социальной среды, вопросом о том географическом «клоне», в котором протекают явления народной жизни, совершаются процессы эволюции...

Десятый градус восточной долготы от Пулкова (проходящий примерно¹⁴⁶ через Архангельск, Владимир, между Рязанью и Тамбовом и Ростов-на-Дону) делит доуральскую Россию на две половины: западную и восточную. «Месторазвитие» большого числа¹⁴⁷ вещей новой литературы приурочено к¹⁴⁸ восточной половине доуральской России... А восточная половина доуральской России в южной ее части (т. е. как раз «Поволжье») — вместе с прилегающими частями Приуралья, западной Сибири и «Великой степи» — и есть самое «внутреннее ядро» географической Евразии...

Если не осуществления, то мысль современных писателей идет на юг и восток дальше «Поволжья» — притом мысль писателей вовсе не евразийцев, знакомых с евразийской «терминологией», враждебных духовным основам, из которых исходит евразийство.

«Да, я знаю, я знаю, мы в страшной беде,
 Но затем-то теперь над туманною вязью

Деревянными крыльями по Каспийской воде
 Наши лодки заплещут, как лебеди в Азию.
 О, Азия, Азия, голубая страна,
 Обсыпанная солью, песком и известкой.
 Там так медленно по небу едет луна,
 Поскрипывая колесами, как киргиз с повозкой...^A

Это из есенинского «Пугачева». В нем есть отдельные замечательные строки, но в общем — это вещь наивная (иногда прямо ребяческая), совершеннейшая «вампука»^{B, 149}

IV

Сводя все к одному утверждаем, что в определенном смысле евразийство есть теоретическая формула сущего как оно (сущее) обрисовывается хотя бы по тем произведениям русской литературы, которые упомянуты а этих страницах^C. (при том «сущего», в двух смыслах: «сущего» жизни и «сущего» литературы). Евразийцы вскрывают значимость «связи времен» и «традиции», начала эти имеют для них обще-бытийственный, онтологически-философский «вес». Евразийцы стремятся усилить «историческую память» (что однако в их мировоззрении отнюдь не знаменует рабства переел прошлым. Евразийцы требуют творческого отношения к прошлому; и проникнуты¹⁵⁰ стремлением к «небывалому», к свершениям «неслыханным», но знают и видят, что «небывалого» и «неслыханного» единственно и можно достигнуть, зная и понимая историческое прошлое; иначе — под маркой «небывалого» проедет жалкая реакционность: пример — осуществленный в России «прыжок из царства необходимости в царство свободы»). Новая литература, в рассматриваемой ее части в весьма разнообразных формах и проявлениях, но всегда с напряжением, доселе неслыханным — усиливает «историческую память», вскрывает «связи времен», крепит «традицию», принимает и развивает приемы обнаружения «вековых» преемств, установления иду-

^A Некоторое внимание к степи и степному быту, сказывающееся в новой русской литературе, запечатлелось, между прочим, в том, что выработан особый прием (перечеркнуто: Последние две строки практикуют прием, распространенный в новой русской литературе, поскольку она касается «степи»): изображение природы в образах человеческого /в частности кочевого/ быта; сюда относятся, между прочим, многие места «Туатамура»: «...луна, полная, как вымя кобылицы, струила над степью молоко»... «складками серого грязного войлока... лежала равнина...» палка была как серебряная уздечка

^B Слова Пугачева (при задержании): «юность, юность как майская ночь, — отзвела ты черемухой в степной провинции», достойный пера провинциального семинариста. «Калмыки и башкиры» после поражения их Михельсоном «удрали к Аральску в Азию», Аральску, который в действительности возник ... после проведения Оренбурго-Ташкентской ж.д. в 1905 г.... Некоторые высказывания — напр., продолжение того же монолога об Азии — могли бы быть — с какой-то мерой исторической «убедительности» — вложены в уста барона Романа Федоровича Унгерн-Штернберга («монгольского хана» 1921 г.), но никак не Пугачева) В левом нижнее углу листа помета: «кроме последних двух строк есенинского Пугачева»

^C Мы сознательно оставляем в стороне Б. Нильняка и некоторых других авторов, произведения которых могли бы также послужить материалом для наблюдений, аналогичных сделанным. Мы останавливаемся с подробностью на тех, кого считаем в осуществлении или возможности — подлинными творцами. Нильняк же, по нашему суждению, несмотря на всю свою /временами/ стилистическую интересность /большую, напр., чем стилистическая «интересность» Яковлева/ и писательскую умелость есть писатель существенно эклектический ...

щих через столетия «рядов» человеческих поколений, воплощающих в себе то или иное «начало»... В этом — реакция русского «народно-культурного» «организма» на факты и попытки разорвать «связи времен», уничтожить «преемства», попрасть «традицию»¹⁵¹, на все то, чем знаменуются в нынешних судьбах России последние годы¹⁵²... Евразийцы утверждают поставленность религиозной проблемы в центре человеческого бытия. И новая литература, в ряде примеров (сюда же — многие вещи Пильняка) изображает такую «центропоставленность» религиозной проблемы, как факт, именно как «сущее», как то, что писатель находит в русской жизни и воспроизводит, независимо от своих убеждений: многие авторы, может быть — и даже наверно — атеисты... Евразийцы требуют внимания к тем историческим, этнографическим и географическим частям, из которых сложена Россия; в силу малого внимания¹⁵³ к Востоку, существовавшего до сих пор, евразийцы в особенности ратуют за пристальное изучение и признание значения тех составных частей России, которые принято называть «восточными»... Делая своим историческим, этнографическим и географическим избранником «Поволжье», отдавая внимание «татарщине» и мордве, обновляя интерес к Кавказу, рассматриваемая часть новой литературы¹⁵⁴ отвечает и этому требованию, в определенной его части...

С большим основанием можно говорить о явлении «параллелизма» (в некотором отношении) между евразийством и рассматриваемой частью новой литературы, именно «параллелизма», так как соответствующие мотивы в евразийстве и новой литературе появились независимо друг от друга: есть все основания полагать, что авторы новой литературы не были, не могли и не могут быть знакомыми с какими бы то н было изданиями евразийцев...¹⁵⁵

Евразийство — не только теоретическая «формула сущего». Наряду с тем и одновременно — евразийство также формула должного¹⁵⁶. Было бы натяжкой делать рассматриваемых авторов каким бы то ни было образом причастными к этой части евразийской формулы^A. Здесь нужны иные — и часто вовсе не литературные — силы. Евразийство может и должно стать стимулом действия. Но для этого отдельные лица и целые поколения должны творчески и проникновенно вдуматься и вжиться в те вопросы и решения, которые становятся¹⁵⁷ и над которыми работает евразийство. Русская культура и русское действие знали «жизнь лите-

^A Некоторым читателям может показаться, что требование внимания к русскому «Востоку» — в части своей нехристианскому, и вера в «восстание России во Христе» противоречат друг другу. По этому поводу приводит отрывок из сообщения о евразийстве в журнале «Своими путями» (№8-9, 1925):

В построениях евразийства есть оно, неустрашимое на первый взгляд, противоречие: поставление (для русского культурного творчества) во главу угла Православия сочетается в евразийстве с верою в плодотворность культурного сотрудничества русского народа с рядом соседних с ним, нехристианских народов; но это якобы, с точки зрения не-евразийцев «противоречие» есть выражение реальных, эмпирических фактов: Православие есть основа жизни русского народа и в то же время русский народ, целым рядом исторических, географических фактов и узлами психологического сродства связан в своей судьбе со значительным вне-христианским миром. В отношении этого мира евразийцы утверждают не ненависть, а любовь, не вражду, но сотрудничество. Плодотворное сотрудничество православного с мусульманином или буддистом есть крупный факт и еще большая возможность.

Прибавим от себя: таким же фактом и такой же возможностью является черпание сил русской государственностью также из некоторых вне-христианских государственных традиций. «Наследие Чингиза».

ратурой», «жизнь критикой», «жизнь революцией». Создается новая категория: «жизнь евразийством».

Петр Ник. Савицкий

ноябрь 1925 — март 1926

Примечания

¹ Текст в дореволюционной графике приведён в соответствие с нормами современной орфографии. Отвергнутые Савицким в процессе правки варианты даны в примечаниях в конце текста. Сноски самого Савицкого — постранично. Если в сносках Савицкого часть текста вычеркнута, это отмечено в постраничной сноске перечеркиванием.

Перед текстом рукой Савицкого помета для наборщика: «Текст, воспроизведенный густо (без пропуска строчки!) набирается петитом без особой о чем отметки». Между заглавием и текстом: «Нигде не напечатанная статья 1925-1926 годов. Заключает в себе ряд исторических идей общего значения».

² Свершилось

³ В наших строках приведем

⁴ В этих строках <нрзб.> главным образом

⁵ нашей

⁶ принципиально

⁷ сложит<ся>

⁸ рассмотрение литературы

⁹ местным

¹⁰ мужицкий

¹¹ не встречаются западнее приблизительно восточной долготы от Пулково

¹² заходят

¹³ (населения)

¹⁴ а

¹⁵ далеко

¹⁶ нрзб.

¹⁷ Потом еще годы шли мерно и строго, как слепые старики на богомолье. И случилась вдруг чашовенка нежданно, а потом монастырей как-то ненароком... А слухи о Пафнутьевых останках стали дымом распространяться по земле, потом претворились слухи в славу,— трухлявый господин заезжий ревматизмы вылечил,— а слава в буйную разрослась молва.

¹⁸ богомольная, нищая босота, каменное горе под юродным крестом,

¹⁹ бесплодные выставляли вперед пустующие брюхи, и рычало в жалобном ожиданье нутро их: — Пафнуть, освяти, подай мужичка родить,— назову Пафнутием,— крикунка махонького!!

Зачёркнутая сноска: «К последним фразам — параллельное место из Достоевского о богомольцах, приходящих к старцу Зосиме, «Братья Карамазовы», глава V: «Они повергались перед <sic!> ним, плакали, целовали ноги его, целовали землю, на которой он стоит, вопили, бабы протягивали к нему детей своих, подводили больных кликуш». Сопоставление отрывков рельефно выясняет стилистические особенности «Петушихинского пролома»: насыщенную орнаментальность, нарочитую, тяжелую ритмику, сложные синтаксические повороты, с разрывами и «перебоями»; иногда выглядит «густо»; иногда нарочитый сказ смахивает на не совсем подлинную (или вовсе не подлинную живописную «рускость» Кустодиева или <нрзб.>она) напр. описание ярмарки в том же «Петушихинском проломе»). Все же словесный состав «Петушихинского пролома» приходится признать более полновесным к ценным, чем скажем словесный состав «Барсуков»; также и от словесного сложения «Барсуков» веет некоей скукой, будто, что ли бесплодные «голубые песни Вс. Иванова пересыпаешь — и только временами также и в «Барсуках» отмечаешь «умелость». Этого нет в «Петушихинском проло-

ме»: здесь количество мыслей и образов слишком велико даже в отношении количества слов. Не знаешь, что будет дальше: но пока что в в наше время удавались только краткие вещи; краткости требует эпоха... Слог господствует сжатый и трудный; иногда в «Петушихинском проломе» не сразу «распутаете фразу». А «трудность» большинства выдающихся вещей эпохи дана, по-видимому, в отместку за «пролеткульт»: искусство, для всех понятное, есть дар, <благодать Божия; захотели силом заграбастать, смотрите же, не выйдет ничего...>

²⁰ каком-то

²¹ не только местами растянут <...> начала книги бытия: повелел Единый темной ночи быть. И была ночь».

²² Несомненные влияния народной словесности и

²³ Передатчики — Ремизов и др. Впрочем, нужно отметить, что примеры житийной литературы

²⁴ Леоновым только

²⁵ «Петушихинский пролом» схематичен своеобразно «абстрактен». В этом отличительная черта манеры

²⁶ нрзб.

²⁷ нрзб.

²⁸ Но

²⁹ Зачеркнутая сноска: <Нрзб.> приема части посвященные обнаружению «связи времен» в «Барсуках» и «Петушихинском проломе» сконструированы <нрзб.>: и там, и здесь конец «увязывается» с началом — особый «циклический прием»; только рамки в которых протекает цикл с одной стороны, в «Барсуках», с другой — в «Петушихинском проломе» существенно различен.

³⁰ нудные

³¹ <Нрзб.> вывалился сам автор, цель еще <нрзб.> изящный совершенно прозрачный бокал (форму) налить чистейшее вино <нрзб.> и трепетной фантазии (содержание). «Прозрачность в бокале формы» у Яковлева пожалуй есть, но часто есть и шаблонность. Нарушенную «справедливость» А. Яковлев (подобно Леонову) восстанавливает руками добродетельных (и на этот раз отнюдь не мягких) коммунистов или <нрзб.>.

³² Берлин

³³ на телеге

³⁴ выдерживающий сравнение с образами «человеколюбцев» у Достоевского

³⁵ стоящий эпитафией в «Братьях Карамазовых»:

³⁶ наиболее

³⁷ нами

³⁸ здесь

³⁹ потому

⁴⁰ отразилась

⁴¹ Пребывающему «во отечестве» -

⁴² писательница коммунистка Л. Сейфуллина

⁴³ «Хроника» кончается сообщением о браке Игнатия с бывшей «матушкой» Авдотьей Ивановой, о которой ничего нельзя сказать, кроме доброго

⁴⁴ (об этом см. ниже)

⁴⁵ традиции

⁴⁶ нрзб.

⁴⁷ нрзб.

⁴⁸ нрзб.

⁴⁹ нрзб.

⁵⁰ нрзб.

⁵¹ нрзб.

⁵² Традиция может быть продолжена в отдельных эффектных <нрзб.>

⁵³ эффект

⁵⁴ приниженного и комического

⁵⁵ Конструкция «Записей»

⁵⁶ традиционного

⁵⁷ может быть

⁵⁸ сопоставлена

⁵⁹ Аве <?>, русская жалость

⁶⁰ отраслей

⁶¹ областей

⁶² подчиненных

⁶³ нрзб

⁶⁴ вроде характер

⁶⁵ следовательно

⁶⁶ нали

⁶⁷ нрзб.

⁶⁸ также в некоторых; тех или иных

⁶⁹ своему

⁷⁰ изобразительное искусство в общем и целом (не говорим об отдельных явлениях вроде Иванова и Врубеля, впало в ничтожество, а литература грандиозно поднялась <?>).

⁷¹ и соприкасающуюся с ними, впрочем, корни этой историософии могут быть прослежены в глубину до XV-XVI в.)

⁷² провала

⁷³ результатом этого периода явился расцвет балета и театра

⁷⁴ и театра

⁷⁵ театра, нового балета заложены и не погибли

⁷⁶ и по преимуществу политических

⁷⁷ «художественной».

⁷⁸ Многими очерками книги своей

⁷⁹ «Чем позже время, которому относится рассказ, тем менее интересен очерк) по какой-то связи явлений тем литературно несовершеннее «сделан»: сюда в особенности рассказы о 1917 и последующих годах)

⁸⁰ Но в целом рассказ о Бугрове есть рассказ о своего рода «проломе» «Несколько раз он беседовал с царём Николаем. — Не горяч уголёк. Десяток слов скажет — семь не нужны, а три — не его. Отец тоже не великого ума был, а всё-таки — мужик солидный, крепкого запаха, хозяин! Не по земле они ходят, цари, не знают они, как на улице живут. Живут, скворцы в скворешнях, во дворцах своих, но даже тараканов клевать не умеют и — не выходят из моды. Не страшны стаи. А царь — до той минуты владыка, покуда страшен». Вот над этим подумать стоит, господин Горький, — чем будем жить, когда страх пропадёт, а? ...Вот и Боге тоже, заговорил Бугров. Даже в

⁸¹ Тема, принятая в новую литературу см. выше о «Наровчатской хронике» Фебина.

⁸² Наследник <нрзб.> сказал ему <нрзб.> или удалиться еще живому куда-нибудь в глушь и там умереть одному: народное собрание со слезами <?> ответило ему: очевидная твоя кончина будет для нас гораздо прискорбнее твоей не<нрзб.>честной отлучки. После видимой твоей смерти нам не останется никакого утешения, а если ты уйдешь куда-нибудь и умрешь там, то мы будем ожидать твоего возвращения. «Князь тогда ушел неизвестно куда, а на память о себе повесил в кустарнике близ <нрзб.> ирингуш (одной из «мордовских резиденций») свою трубу, которая <нрзб.> издавала звуки, и народ мордовский, слыша их, говорил с радостью наш князь еще жив». <Нрзб.> рога, звучащего при ветре, скорбь и дальнейшие <нрзб.> народа.

⁸³ В 1670 году после многих <нрзб.> с государевыми людьми разиновские, воры, татары и мордва засели<?> в дворах <нрзб.> были сожжены со всем <?> (Мамлаковым)

⁸⁴ Были в ней обращенные ко Христу укоры «Кереметь Кереметь попы твои гонят, ох! Как можно? Кереметь — хуже тебя разве?... Бог бога гонит — чему учит людей?... Трудно людям с тобой! Что делаешь? Иван — зачем помер молодой? Мишка — одно дитя, такой светлый Мишка, — зачем? Корова Гусевых пала, ай-ай-йй! Не жалко тебе своих, а... Кому служишь, Христос? Каким людям служишь, а? Вот я, баба, людям служу, твоим помогаю, и татарам, и чуваше — мне все равно, видишь? А ты — кому?

⁸⁵ в значительной степени

⁸⁶ Это окско-сурское междуречье — характерное лесостепь, где черноземы и лиственные леса на них чередуются

⁸⁷ В частности, действие другого

⁸⁸ «Знахарка»

⁸⁹ Исконная мордовская земля

⁹⁰ об этом выше

⁹¹ излюбленным

⁹² определенной группы вещей

⁹³ столицы

⁹⁴ (в XIV в.) Тогая, хана Наровчатской земли.

⁹⁵ ...их сыновей, св. Владимир посадил в рассматриваемую область тех из них, мягкая природа которых наиболее восприняло краткое христианское учение: Бориса в Ростове и Глеба в Муроме. Борис привез с собой сюда и первых епископов греков Федора и Иллариона, но они не удержались в крае и удалились от ярости язычников «избегая неверия и досаждения людей». Особенно яростно было противохристианское восстание, произведенное волхвами в 1024 году во время голода... В конце княжения великого князя Ярослава ревностным проповедником христианства бл в Ростове епископ его св. Леонтий, который своей лаской, кротостью и проповедью привлекал к себе детей и юное поколение. Но и ему в 1073 году пришлось принять мученическую смерть от старых и упертых язычников. Следующий епископ св. Исаяя был прислан в Ростов Владимиром Мономахом. Епископ Исаяя обошел всю ростовскую область, строил христианские храмы, разрушал языческие, но все-таки не мог окончательно сокрушить язычество. После его смерти (1090 год) еще в 1091 году в Ростове опять появлялся волхв, возмущавший жителей, но он уже мало имел успеха и скоро погиб. При всем том в самом Ростове жители «Чудского конца» еще поклонялись своему кумиру Велесу. Но около 1095 г. ... епископу ростовскому св. Аврамию удалось наконец сокрушить под самым Ростовом последнего идола Велеса и на месте, где он стоял, основать первый монастырь Суздальской области...» Борьба, которая в таком напряжении, наполнен в Волжско-окском междуречье (Ростовском крае) XI век — в междуречье окско-сурском, в мордовских землях началось на несколько веков позже и как видно из сказанного в XIX и даже XX веке не прекратилось и еще.

«Русской мордве» и «мордовской Руси», и мордовскому язычеству, и мордовскому бунту посвящены страницы в романе К. Федина «Города и годы».

Мордовский обычай «инсценирует» А. Яковлев в своем «Женихе полуночном»...

Стоит заняться мордвой. Еще до разинского бунта пришел из мордовской земли Никон. Патриарх, великий государь, уроженец села Вельдеманово, исконно мордовского места. В юности «длинную судьбу предрекали ему, Никите Никону и православные монахи, и мордовские колдуны»... Генеалогия и еще одного «деятеля» русской истории приводит, по-видимому к мордовским корням. Ряды эпизодов, «как поднялся мордва на Нижней», ряды восстаний и бунтов и дел» Кузьки-мордовского бога заканчиваются и увенчиваются именем Владимира Ильича (Илья — бог грома Пургине-пас, в особенности почитаемый мордвой) Ульянова-Ленина — тоже не отпрыска ли мордовских кровей... Несмотря на все сущностное различие цели Святейшего Патриарха, с одной стороны, вождя «российской социал-демонкратической рабочей партии (большевиком)» с другой, в есть в отношении обоих к целям в хватке держании целей нечто общее, что делает интуитивно убедительным положение, что есть в обоих мордовская кровь... Да, сильны вы, чудские колдуны, ведуны, знахарки, ведьмы. Не вы ль наколдовали над Россией Владимиром Ильичем... Черные вихри кружатся, идут над Россией «мордва, черная сила, снег, бездорожье, сон... пред Мордвой, как и пред Россией, одна и та же задача: задача накопления внутренних духовных сил, задача восстания и просветления во Христе, да рассеется колдовство и да станет сильное племя Богу во славу, себе и России на пользу. Крепка мордва не только телом («горячим, крепким, широким, как ладья»), есть в ней душевная, духовная сила. И рядом с Лениным — Никон, крепкий, непреклонный дух... И не только Никон, но те мордвыны, которые пошли против в противониконное дело, которые стояли во старообрядчестве.

На черное и страшное в русских судьбах и русских «наследствах» нельзя закрывать глаза. Однако же, ко всякому «наследству» нужно отнестись творчески... Много преемств, много традиций идёт к нам из прошлого. Каждая имеет значение как факт, как «причинный определитель». В перспективе же на будущее, в определении должного, нужно избирать. Не страшна черных вихрей, нужно работать и нужно молиться о Преображении.

Нет мордве судьбы вне России — и в русских судьбах мордва.

Чеканить нужно емкую формулу, пролагать емкое русло, по которому широко и вольно шла бы река русской культуры, слагаясь из истоков многих краев российских и евразийских племен. Нужно чеканить формулу евразийства, пролагать евразийское русло... как реальность, совокупность особенностей и черт, вещественностей исторической и географической плоти — чувствовать нужно образы, составляющих краев и племен. Как частность большого вопроса, законен, обоснован вопрос — о «мордовских элементах в русской культуре»

⁹⁶ «Русско-татарской идиллией, если брать слово профессора Кизеветтера.

⁹⁷ татарских принцессах

⁹⁸ созеренов

⁹⁹ исповедание вассалов

¹⁰⁰ Ей, Господи, веруем, был есть и будет возможно Преображение...

¹⁰¹ татар

¹⁰² татарской

¹⁰³ общее изучение истории

¹⁰⁴ монгольской

¹⁰⁵ магистрали

¹⁰⁶ Туатамару

¹⁰⁷ авторская пометка мая

¹⁰⁸ прошедшую

¹⁰⁹ срелы

¹¹⁰ По мнению пишущего эти строки «Туататмур» в своей области и своеобразии — соравен «Борису Годунову» и «Тарасу Бульбе»... Не, пожалуй, доселе в русской литературе равного по силе выражения...

¹¹¹ каждый, кому ценно познание исторических стихий России-Евразии, должен прочесть его целиком...

¹¹² притом разрешена центрально — так что решение это не может не оказаться закрепленным в решающих узлах русской литературы...

¹¹³ Но это ли одно. — Не обнаружена ли здесь стихия войны как некая непреходящая сущность. Не суждено ли снова Тамге Чингиза знаком неслыханных свершений стать в просторах старого света.

Изо всех возможных — имя Чингиза наиболее достойно стать «в ключе» русской военной традиции. Каковы бы ни были истоки биографической карьеры Чингиза на всем протяжении мировой истории (от ее нам доступных «начатков» и до сих пор) ни в ком, пожалуй, не сказывалось с такой яркостью, как в нем, его сподвижниках преемниках, умение «мыслить континентами», умение, столь необходимое для русских. Но теперь, состоя в Чингизовом преемстве нужно уметь создавать и пользоваться не только конными массами но также еще более подвижными и не менее действенными «аэро»- и «авто»-массами; этому учит пример Чингиза, который для своего времени, в военном искусстве и военных приемах умел быть новым и современным. В каждом поколении и в каждый момент Чингизово преемство (перечеркнуто: всякое живое преемство) должно быть явлено в терминах «века сего» (х — о других сторонах Чингизова преемства и о смычке идей этого преемства с общим строем евразийских идей см. брошюру И.Р. «Наследие Чингизхана. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока» (Берлин 1925))

¹¹⁴ (перечеркнуто: нрзб) подобной очерченной в качестве примеров...

¹¹⁵ «легендными»

¹¹⁶ в

¹¹⁷ существу

¹¹⁸ в этой

¹¹⁹ творений

¹²⁰ продолжим замечания, охватывая при этом русскую литературу не только в ее настоящем, но также — в отдельных примерах — и в ее прошлом.

¹²¹ нрзб

¹²² в частности, нет разрыва между до-революционными и после-революционными фактами: что же было (перечеркнуто: что есть) в этом отношении и что есть

¹²³ нрзб.

¹²⁴ мы

¹²⁵ Интересно взглянуть на литературу с точки зрения ее географической приуроченности ее художественной правды и жизнеподобных вымыслов.

¹²⁶ «Алеко»

¹²⁷ В числе прочих также и эта «географическая традиция» длится.

¹²⁸ безусловно

¹²⁹ одна

¹³⁰ крупнейших

¹³¹ Послушнике

¹³² поэтической «колонизации»

¹³³ в среде русской литературы

¹³⁴ произошло. Правда, в «Туатамуре» есть стилизованные условия в существе служащие «пейзажной рамкой» для действия — картины «великой степи».

¹³⁵ Вне этого географический и людской мир названных выше стран проводил в русской литературе разрозненные, по большей части второстепенные, во всяком случае мало влиятельные вещи.

¹³⁶ Беллетрист Всеволод Иванов ставил себе эту задачу в отношении киргизской и монгольской степи, да пожалуй остальной зауральской России. Но кроме как в отдельных небольших да притом наиболее ранних рассказах (напр. «Дите») — в этой задаче не преуспел; сил не хватило, да и тенденция по-видимому заела... Задача остается как она была.

¹³⁷ Полтавщину, хотя «анекдотическую», но красочную дал Гоголь и тем тоже обосновал «традицию»

¹³⁸ внутреннего

¹³⁹ Здесь, в особенности, помянем имя Лескова, Орловского уроженца.

¹⁴⁰ Наиболее яркие вещи последних годов посвящены именно «Поволжью»...

¹⁴¹ В пределах старой литературы картину Приуралья развертывает С. Т. Аксаков, В его писаниях, кроме изображений природы, заключаются материалы по этнографии и быту западной (доуральской) Башкирии: упоминается мордва: «... появился мордовский выселок под названием Кивацко-го ... в двух верстах от дедушки ... Это были добрые, смиренные люди, уважавшие дедушку не менее, как своего волостного начальника» («Семейная хроника»). Сделав поправку на то, что подлежит изменению в «зарисовке» внешности морды данной — С. Т. Аксаков (конец отрывка третьего: «Женитьба молодого Багрова») можно видеть прямой прообраз соответствующих «зарисовок» Пильняка.

¹⁴² быть может

¹⁴³ пожалуй

¹⁴⁴ позднее

¹⁴⁵ русской литературы (во всяком случае нрзб. ее части) скорее всего

¹⁴⁶ приблизительно

¹⁴⁷ примечательных

¹⁴⁸ посвящено

«Неспешно как в ночь игра-
для иных — чернее чумы,
для иных — светлее стекла —

так в Азию входим мы ...
Курдский прицел отличен —

стоит слова литого,
падает пограничник —

выстрел родит другого ...
Что же, стреляй. Но дашь

промах или вновь не зря, -
будешь ты есть лаваш (хлеб)
нашего тундры (печь для выпечки лаваша)

Это — из Николая Тихонова...

¹⁵⁰ устремлением

¹⁵¹ «традиции»

¹⁵² и что в практическом выражении свелось к воскрешению черных традиций

¹⁵³ к этим проблемам

¹⁵⁴ новая литература

¹⁵⁵ Подобное совпадение или «конвергенция» указывает на закономерность, не случайность возникновения соответствующих явлений

¹⁵⁶ Среди происходящего евразийцам предстоит стать, в меру сил, «действенными» восполнителями России и к восстанию в национальной стихии и Христе...

¹⁵⁷ стали